

СЛОНЫ ГАННИБАЛА

АЛЕКСАНДР
НЕМИРОВСКИЙ

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Исторические приключения (Вече)

Александр Немировский
Слоны Ганнибала

«ВЕЧЕ»

1963

Немировский А. И.

Слоны Ганнибала / А. И. Немировский — «ВЕЧЕ»,
1963 — (Исторические приключения (Вече))

...Шагают слоны Ганнибала. В их тяжелой поступи – непреклонность воли полководца, еще в детстве давшего клятву быть вечным врагом Рима. Рим должен быть уничтожен... Открылись снежные вершины Альп. Их предстоит преодолеть войску Ганнибала. Поражение за поражением терпит Рим, но Ганнибалу не удастся сломить сопротивление римлян... Шагают слоны Ганнибала. Но римскому полководцу Сципиону они уже не страшны. В жестокой и беспощадной войне победил Рим. Автор знаменитого романа «Слоны Ганнибала» – замечательный писатель, ученый, историк Александр Иосифович Немировский, известный не одному поколению читателей своими увлекательными произведениями из жизни «круга земель», Древнего Средиземноморья – «За столбами Мелькарта», «Тиберий Гракх», «Три войны», «Пурпур и яд» и др.

© Немировский А. И., 1963

© ВЕЧЕ, 1963

Содержание

Часть первая	6
Сыновья	6
В Карфагене	8
Клятва	11
Иберия	14
Новый учитель	16
Поручение	19
Степь	21
«Маленькая Индия»	23
Софониба	25
Во дворце Ганнона	29
Смерть Гамилькара	31
Суровая школа	33
Пир Гасдрубала	35
Осада Сагунта	37
Посольство Валерия Флакка	39
Конец Сагунта	41
Дукарион	43
Гадир	45
Часть вторая	47
На пути к Родану	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Александр Немировский

Слоны Ганнибала

© Немировский А. И., 2008

© ООО «Издательство «Вече», 2014

* * *

Часть первая

Лев показывает когти

*Льва узнают по когтям.
Древняя пословица*

Сыновья

Они возились на ковре, как маленькие смешные зверьки. Мелькали спутанные вихры, слышался визг и прерывистое дыхание. Ганнибал повалил Гасдрубала. Магон уцепился за шею Ганнибала и тянул вниз. Это у них называлось войной. Сегодня Ганнибал – римлянин, а его братья – карфагеняне. Силы равны. Ганнибалу девять лет, братьям столько же вместе взятым.

– Сдавайтесь! – кричал старший, вращая белками глаз. – Сдавайтесь, вы, щенки!

Но малыши и не думали отступать. Магон вцепился в волосы Ганнибалу, тот потянулся, чтобы наказать «вероломного врага». Этим тут же воспользовался Гасдрубал и опрокинул старшего брата.

Приоткрыв полог, Гамилькар незаметно наблюдал за сыновьями. Его толстые губы шевелились, как всегда, когда он испытывал волнение. Давно ли на этом же ковре он боролся с братьями? Тогда они играли в карфагенян и эллинов, но воевать ему пришлось с римлянами. Двадцать три года длилась эта война. Она отняла у него и братьев, и славу. Позорный мир, невыносимо тяжелая дань. А потом, воспользовавшись слабостью Карфагена, восстали наемники. Гамилькару пришлось давить их слонами, распинать на крестах. А ведь это были в прошлом неплохие воины. И где найти им замену?

Ганнибал снова подмял под себя Гасдрубала. Размахивая кулачком, он не давал приблизиться Магону, который опасливо держался в стороне.

– Рим победил! – выкрикнул Ганнибал тонким, срывающимся от возбуждения голосом.

Гамилькар вздрогнул. Его полное лицо побагровело. Даже у себя дома он не может избавиться от этого слова, ноющего, как застарелая рана, жгущего, как пощечина, давящего, как камень.

Подбежав к детям, он закричал:

– Замолчите! Чтоб я не слышал этого!

Дети растерянно поднялись с ковра и смущенно смотрели себе под ноги. Они всегда стеснялись отца, потому что редко его видели и так много слышали о нем от окружающих. С именем отца в их воображении связывались страны и города со звучными и диковинными названиями, битвы с далекими, неведомыми народами. Им казалось, что отец занят какой-то удивительно интересной игрой. И теперь, когда они ему подражают, он так незаслуженно суров!

Магон поднес ладошки к глазам и залился слезами. Гасдрубал нахохлился, как молодой петушок. Ганнибал пристально смотрел на отца. В его зрачках застыло тревожное недоумение.

Гамилькару сделалось не по себе от этого укоряющего взгляда. Каждый день он может уйти в Страну, откуда нет возврата. Таков удел воина. И всегда, когда вокруг свистят стрелы и льется кровь, он думает о них, о своих сыновьях. Страстно хочется верить, что дети унаследуют не только его толстые губы, курчавые черные волосы и выпуклый лоб, но и сохранят его душу, его ненависть и его любовь. Или это обман, которым себя тешат смертные? Сын будет жить своей жизнью, у него появятся свои заботы, свои привязанности и своя вражда. Вырос-

шие в логове львята разбредутся по свету. И вспомнят ли они о льве, приносившем им теплую добычу?

С неожиданной нежностью Гамилькар привлек к себе детей, потных и покрасневшихся. От них исходил запах свежести. Так пахнут на рассвете луговые травы, еще не высушенные солнцем.

Да, это его сыновья, его маленькие львята. В прошлом году они потеряли мать, еще раньше – сестру. А он покинул свое логово и стал чужим для сыновей. У них нет никого, кто бы их приласкал, кто бы поделил с ними их детские забавы и огорчения. Маленькие заброшенные львята!

– Перестаньте хныкать, воины! – порывисто шептал Гамилькар. – Собирайтесь, я покажу вам слонов!

В Карфагене

Карфаген встречал слонов. Все улицы от Торговой гавани, где животных вывели с кораблей, до возвышающейся над городом твердыни Бирсы были заполнены крикливой праздничной толпой. Казалось, во всем огромном городе не осталось ни одной души, равнодушной к этому зрелищу. Те, кому не хватило места на тротуарах, устроились на плоских черепичных крышах. Мальчишки облепили деревья и подножия статуй, унижали, как воробьи, каменные ограды храмов.

– Идут! – слышался громовой крик.

– Слава Гамилькару! – последовал другой возглас и тотчас же потонул в рукоплесканиях.

Из-за поворота узкой, застроенной многоэтажными домами улицы показался первый слон. Его спину и крутые бока покрывала широкая пестрая попона. Над попоной возвышалась обитая кожей башенка. Башенка была пуста, но перед нею, на шее слона, восседал человек с остроконечной железной палкой в руках. Его просторный плащ был подпоясан черным матерчатым поясом. Белая повязка, обмотанная вокруг головы, напоминала трубочку с кремом, какие выпекают в дни владычицы Танит. Из-под повязки блестели живые черные глаза. Чужестранец важно помахивал своей палкой, словно приветствия относились не к слонам и не к Гамилькару, который подарил их республике, а к нему самому.

Слон Сур осторожно ступал, обнюхивая хоботом мостовую. Так слепец ощупывает землю палкой, прежде чем сделать шаг. Впервые за много дней под ним была не зыбкая, колеблющаяся палуба, а нагретые солнцем каменные плиты. Но у этих камней был незнакомый и пугающий запах чужбины.

Карфагеняне считали слонов вслух: «Три... пять... девять... двенадцать». Всего лишь двенадцать индийских гигантов. Но ни разу и ни одно слоновье стадо не встречали в городе с таким воодушевлением.

Ниши в городской стене могли вместить триста слонов, но со времени войны с восставшими наемниками эти опустевшие помещения были заняты жалкими пришельцами и нищими. Этих людей прозвали в насмешку слонами. Появилось даже выражение «протянуть хобот», означавшее «просить милостыню». Теперь же огромные ниши в стене займут те, на кого они рассчитаны, – верные и могучие боевые слоны.

Восхищенная толпа провожала процессию до самых загонов, украшенных пальмовыми листьями и цветами. Люди терпеливо ждали на жаре, наблюдая, как индийцы заводили слонов в их жилища, как они смазывали целебным коровьим маслом морщинистую кожу живота и ног гигантов.

Древнее восточное поверье относило встречу со слонем к счастливым предзнаменованиям. «Слоны приносят удачу», – говорили в народе, и каждому хотелось иметь ее частицу. Предприимчивые торговцы в белых передниках поверх туник сновали в толпе. На головах у них поблескивали медные подносы с фигурками слонов из эбенового дерева, камня, обожженной глины и даже хлебного мякиша, обмазанного финиковым медом. «Кому удачи?»

Отыскились и ценители боевых слонов. Их окружили кучки любопытных, смотревших прямо в рот этим знатокам. И впрямь, стоило послушать, с каким воодушевлением они описывали мощь слонов, каким умом и сообразительностью их наделяли.

– Во время войны в Сицилии, – рассказывал человек в войлочном петасе, – наш лагерь находился в двадцати стадиях от римского. Ночь была темная. Утомленные, мы спали. Вдруг заревели слоны. Наш полководец догадался, что идут враги. Умные звери почуяли запах жареного лука, который исходил от римлян.

В толпе слышался смех.

– На земле нет животного сильнее слона, – продолжал внушительно человек в петасе. – Я сам видел слона, свернувшего шею льву и поднявшего его своим хоботом, как котенка. А в римскую войну вся вражеская конница была уничтожена тремя «индийцами».

Шумное одобрение слушателей было наградой за эту патриотическую небылицу.

Успех воодушевил рассказчика:

– Однажды в Мавретании мы отправились на ночную охоту. Впереди виднелось что-то темное, подобное холмам. Подошли поближе. Да это слоны! Сидят себе, задрав к небу хоботы, и смотрят на луну и режут так жалобно, что без слез слышать нельзя. Тут-то мы и поняли: слоны молились Танит!

Раздался оглушительный хохот. Кто-то надвинул рассказчику на глаза его петас.

– За кого ты нас принимаешь! – послышался чей-то возмущенный возглас. – Смотри, как бы тебе самому не свернули шею!

Опешивший болтун поспешил затеряться в толпе.

К полудню площадь перед загонами опустела. Толпа растаяла, оставив после себя скорлупу от орехов и шелуху сушеных тыквенных семечек. Рабы с метлами и лейками наводили чистоту. Индийцы, накормив животных, прилегли в тени смоковницы. Они устали от непривычного для них шума чужого города.

Уже вечерело, когда к стене подошли двое карфагенян с мальчиком лет девяти. Длинный черный плащ скрадывал грузность Гамилькара. Рядом с полководцем был юноша лет двадцати пяти – зять Гамилькара Гасдрубал, «Красавчик», как его называли в семье за красивые вьющиеся волосы. Плечи Красавчика покрывала короткая красная накидка, какую обычно носят всадники.

– Отец, а отец! – Ганнибал теребил за рукав Гамилькара. – Смотри, какой у слона смешной длинный нос.

Гамилькар грустно улыбнулся.

– Видишь, Красавчик, – обратился он к своему спутнику, – в какую пропасть скатилась республика. Мои сыновья не видели живых слонов! А ведь всего лишь пять лет назад на улицах города слона можно было встретить чаще, чем теперь мула... Да разве одних слонов мы потеряли? – продолжал он, слегка покачивая головой. – Мы лишились флота, римляне опустошили нашу казну, отняли принадлежавшие нам острова. Они скоро заставят нас платить за воздух, которым мы дышим, за воду, которую пьем, за вино, которым совершаем возлияния богам и предкам.

– Ты прав, Гамилькар, – согласился Гасдрубал. – Мы живем в тяжелое время. Но пусть меня поразит Мелькарт, если твои сыновья не увидят лучшие дни! Я верю в возрождение республики. С каким ликованием сегодня весь наш город встречал слонов! Народу известно, кто их купил. Многие выкрикивали твое имя. Теперь осталось построить и оснастить корабли.

Гамилькар резко повернул голову.

– Корабли! – начал он язвительно. – Слово бы кто другой, а не ты лицемер морю у Эгадских островов, усеянное обломками наших кораблей. Если случилось, что римляне, никогда не знавшие моря, разбили нас, прирожденных мореходов, то нам остается полагаться только на сухопутную армию. Да! Армию, которую хочет распустить Ганнон.

Лицо Гамилькара побагровело. Сжав кулаки, он закричал прерывающимся голосом:

– Распустить армию, которая спасла республику?! А кто мне вернет серебро, заплаченное наемникам? Кто возвратит деньги за этих слонов, доставленных с другого края земли? Не Ганнон ли, который предан нашей республике лишь на словах?

– Отец, а отец! – мальчик тормозил Гамилькара.

– Чего ты хочешь? – спросил полководец раздраженно.

– Отец, что это за люди? Почему они так странно одеты? Что у них на голове?

– Это индийцы, – отвечал Гамилькар, успокаиваясь. – Есть в том краю, где встает из океана солнечный бог, необъятная Индия. В ее девственных лесах водится много слонов, похожих на наших ливийских. Индийцы приручили своих слонов, сделали их послушными. Я приобрел слонов у индийцев.

– А погонщиков ты тоже купил? – допытывался мальчик.

– Нет, это свободные люди, они служат мне за серебро.

– Тогда скажи им, чтобы они заставили вот этого большого слона поклониться.

– Ты много захотел, сын мой. – Гамилькар улыбнулся. – Это боевые слоны. Им не пристало кланяться. Они обучены поражать врагов своими бивнями, хватать их хоботом, бросать наземь и затаптывать ногами.

– Отец, а отец! – не отставал мальчик. – Зачем везти слонов с края света, когда они живут у нас в Ливии?

Гасдрубал, до этого не вмешивавшийся в разговор отца с сыном, весело рассмеялся:

– От наших длинноухих лишь один прок – бивни. Скорее лев подружится с овцой, чем человек оседлает дикого и бестолкового «ливийца».

– Ты так думаешь? – промолвил Гамилькар, загадочно улыбаясь. – Видишь того пожилого погонщика, что сидит под смоковницей? Этот человек стоит целой армии. Потолкуй с ним. Он недурно говорит на нашем языке. Рихад тебе объяснит, что нет таких диких слонов, которых нельзя приручить.

Гамилькар замолчал, о чем-то задумавшись.

– Будет время, – начал он после долгой паузы, – и ты убедишься, что я прав. Нет, не один Карфаген вступит в схватку с Римом. На нашей стороне Ливия с ее могучими слонами, сейчас пасущимися в бескрайних степях, Ливия с ее тонконогими, быстрыми как ветер скакунами, Ливия с ее смуглокожими наездниками и меткими стрелками из лука.

Клятва

Дни были заполнены тревогой ожидания. С утра Ганнибал выбегал на дорогу, соединяющую пригородное поместье с Карфагеном. Мимо мальчика проезжали повозки, запряженные сытыми, откормленными мулами. Сквозь щели просвечивало золотое зерно, над бортами высовывались запечатанные амфоры с вином и оливковым маслом, кожаные мешки с овощами и фруктами – все, что требуется ненасытному городу. По обочинам дороги парами и по четыре брели закованные в цепи невольники – чернокожие и светлокожие, купленные на торжище у гавани владельцами окрестных поместий. Поднимая известковую пыль, скакали стражники в желтых плащах и высоких войлочных шляпах.

Отец не появлялся. Говорили, что, разбив у моря лагерь, он готовит войско к походу на гарамантов. Народ этот живет в стране диких зверей, за пустыней, и у него столько золота, сколько песку на морском берегу. Если отнять у гарамантов даже малую долю бесполезного для них золота, можно расплатиться с римлянами за поражение в Сицилийской войне, нанять новых наемников, купить обученных слонов или поймать диких и обучить их. Об этом говорил отец Красавчику у опустевших загонов.

Гараманты! В самом звучании этого слова было для мальчика что-то сказочное и волнующее. В нем – завывание ветра пустыни и крики диковинных зверей. Может быть, среди них и огромный дракон с лоснящейся лошадиной шкурой, тот, что напал на римлян, когда они шли на Карфаген. Римляне убили его из катапульты. Но ведь он не последний. А если поймать нескольких драконов и натравить их на римлян?

Однажды, когда Ганнибал уже потерял надежду скоро увидеть отца и был уверен, что тот отправился в поход, даже не простившись, в облаке пыли показалась отцовская повозка. Она остановилась, отец сошел с нее на землю и сделал несколько шагов навстречу бегущему мальчику. И вместо того, чтобы сказать ему, как обычно, «прощай, Ганнибал», Гамилькар положил на плечо сына тяжелую ладонь, а другой рукой указал на колесницу:

– Поедем!

Несколько мгновений мальчик стоял неподвижно, не веря своему счастью. И, поняв по выражению лица, что отец не шутит, радостно захлопал в ладоши.

– Гараманты! Гараманты!

Отец отступил на шаг и удивленно произнес:

– Гараманты?

Но потом его суровое лицо осветилось улыбкой, как всегда, когда он вспоминал об одержанных победах в Сицилии. Повернувшись к колеснице, где, прислонившись к подушкам, дремал Красавчик, он крикнул, расхохотавшись:

– Ты слышишь, мы едем к гарамантам!

И вот Ганнибал уже в колеснице. Гулко стучат копыта: «В по-ход, в по-ход!». Испуганно шарахаются в стороны путники, уступая дорогу. И снова лицо отца хмуро и сосредоточенно. И снова, как тогда, во время игры с братьями, мальчик не понимает отца. Опять он чем-то встревожен. И почему повозка несется в город, а не к морю, где стоит войско?

Внезапно Гамилькар дал знак вознице. Натянув поводья, тот остановил взмыленных коней.

– Сойди, сын мой!

В голосе была пугающая торжественность. Странный хохот, неожиданная суровость, возвращение в Карфаген. Как это понять?

Кроны деревьев скрывали приземистое здание. Ганнибал много слышал о нем, но еще не переступал его порога. Это храм Ваал-Хаммона и одновременно усыпальница основательницы города Элиссы, которую иногда называют Дидоной. У входа в святилище выстроились

люди в длинных черных одеяниях и головных уборах, расшитых золотыми звездами. И тут мальчик догадался, что это не случайная остановка. Жрецы знали о прибытии Гамилькара и подготовились к нему.

Грянул хор голосов, возвещая начало священной церемонии. Отец и сын поднялись по гранитным ступеням, стертым тысячами ног, и оказались между двумя рядами массивных черных колонн. Остановившись у одной из них, Гамилькар показал на вделанную в пол плиту с витиеватой надписью:

– Здесь похоронен наш предок Барка, верный спутник Элиссы.

Произнеся эти слова, отец склонил голову. Мальчик последовал его примеру.

И вот они идут дальше, сопровождаемые заунывным пением. Светильники на стенах освещают такие же плиты с именами тех, кто стоял у основания города и создал славу Карфагену. Но вот на мгновение стало темно. Заколебалась и медленно отползла в сторону завеса. В глубине открылся освещенный пламенем алтарь, за ним виднелась огромная медная статуя Ваал-Хаммона. Бог восседал на медном троне, вытянув вперед руки ладонями вверх.

Ганнибал вздрогнул. Он знал, что на эти ладони в дни городских празднеств жрецы кладут священные дары. Нет, не золото, не серебро, не драгоценные камни, а первенцев, самое дорогое, что можно отнять у отцов и матерей. Младенцы скатывались по медным рукам в отверстие на груди бога (сейчас оно было закрыто заслонкой) и исчезали в пламени, гудящем под тронем. Шестьсот лет, год за годом, Ваал-Хаммон пожирал первенцев, и не было еще никого, кто бы осмелился сказать ему: «Нет!»

Напуганный близостью сурового бога, мальчик словно окаменел, и неизвестно, сколько бы времени он мог так простоять, если бы не ощутил на голове теплую отцовскую ладонь. Гамилькар пропускал между пальцами курчавые волосы сына. Не привыкший к ласке, мальчик вскинул лицо. Отняв руку, отец протянул ее к богу.

– Сын мой! – послышался голос отца. – На нас смотрит Ваал-Хаммон. Он хочет знать, готов ли ты разделить мою судьбу и судьбу моего войска?

– О да, отец! – радостно воскликнул мальчик. – Возьми меня в страну гарамантов. Я готов ко всему.

– Здесь да развеется обман, оружие против недругов, – произнес Гамилькар вполголоса. – Узнай, сын мой, то, что еще пока не знает никто, кроме самых близких друзей. Я веду войско не в страну гарамантов, как объявил всем, а в Иберию, чтобы оттуда, когда придет время, обратить оружие против Рима. Я привел тебя сюда, чтобы ты дал клятву перед лицом божества.

Ганнибал молчал. Он был счастлив, что отец доверил ему тайну. Но зачем эта клятва? Он и без этого никому не расскажет о замыслах отца.

– Стань там, – сказал Гамилькар, указывая на жертвенник.

Мальчик поднял руку, и в тот момент, когда пальцы коснулись камня, вспыхнул сноп пламени, освещая Ваал-Хаммона и капли пота на его медном лбу.

– Сын мой! – голос отца наполнил весь огромный зал. – Видят боги, я сделал все, чтобы повергнуть враждебный нам Рим. Но счастье было на его стороне. Мы испытали позор поражения. И если мне не будет суждено избавить наш город от позора вот этой рукой, мой меч должна подхватить твоя рука. В твоем сердце, не угасая, как пламя этого очага, должна пылать ненависть к римскому имени. Повторяй за мной слово в слово:

– Пусть меня покарают боги...

– Пусть меня покарают боги...

– ...если я забуду о зле, причиненном моей родине вероломным Римом...

– ...моей родине вероломным Римом...

– Если я не отомщу за позор моего отца...

– ...за позор моего отца...

– Если на пути моей мести станут горы, моря, леса или иная преграда...

— ...или иная преграда...

Каким только испытаниям не подвергала судьба Ганнибала, бросая из страны в страну, из города в город! Но всюду перед его глазами стояли этот храм, алтарь, статуя. В его ушах, как призыв медной трубы перед началом боя, всю жизнь звенели слова данной им клятвы.

Иберия

Целый месяц войско находилось в пути. Пустыни, травянистые степи, и снова пустыни. И каждый переход отдалял Ганнибала не только от Карфагена, но и от Рима. Этот город, как хорошо знал мальчик, находился к северу от его родины, за морем, а войско двигалось сушей на запад. Дать клятву в вечной вражде Риму – и сразу же отправиться куда-то прочь от него! Ганнибала утешала лишь мысль о предстоящих схватках с великанами и чудовищами Иберии.

Но и тут его ждало разочарование. В Иберии не оказалось никаких чудовищ. Здесь как будто не водились даже львы, рычание которых он слышал почти каждую ночь на всем пути до Столпов Мелькарта. Испуганно ржали кони, возницы что-то кричали и размахивали факелами, словно выводили на черном небе огненные письма. А за Столпами Мелькарта, узким проливом между Ливией и Иберией, ночи были полны дремотной тишины. Спали освещенные луной скалы, и море баюкало их мерным напевом прибоя.

Не было в Иберии и диких слонов, целые стада которых встречались войску на всем пути от Утики до Столпов Мелькарта. Еще в Ливии Ганнибал спросил у иберийского наемника, какой самый страшный зверь на его родине. Ибер ответил, не задумываясь: «Кролик». И это, как впоследствии убедился мальчик, вовсе не было шуткой. Маленькие пушистые зверьки, так забавно шевелящие длинными усиками, уничтожали посевы, портили плодовые деревья и кустарники.

В Иберии не было и великанов, о схватках с которыми мечтал мальчик. Страну населяли пастухи и пахари в грубых шерстяных сагумах и войлочных шляпах с загнутыми вверх полями. Жили они племенами. И столько здесь было этих племен, что одному человеку вовек не запомнить их странных неблагозвучных названий: оретаны, карпетаны, ореваки, лузитаны, кантабры, плетавры... Наверное, поэтому чужеземцы называют всех жителей этой страны просто иберами, а той, что за иберами, – кельтами, или галлами.

Иберы показались мальчику добродушными людьми. Однажды, когда он, выйдя из карфагенского лагеря, заблудился в горах, ему встретился огромный ибер с длинными, как у женщины, волосами. Незнакомец не только не обидел Ганнибала, но даже пытался его успокоить, смешно щелкая языком. Посадив утомившегося и испуганного мальчика на спину, ибер явился в лагерь. Обрадованный, Гамилькар дал пастуху горсть серебряных «коней», на которые можно было купить целое стадо овец. Ибер вместо благодарности плюнул и бросил деньги на землю.

Отец молча нахмурился, но, когда пастух удалился, стал яростно проклинать неблагодарных иберов. Эти дикари, не имеющие постоянного войска и сражающиеся беспорядочной толпой, упорно не хотят признавать власти Карфагена и платить дань. Они действуют исподтишка, с хитростью, достойной дикарей. Им ничего не стоит спрятаться в горах и сбросить на ничего не подозревающих воинов огромный камень. Ночью они прокрадываются в лагерь, убивают спящих и так же незаметно исчезают. И, если стража ловит кого-нибудь из этих иберов, самыми жестокими пытками не вырвать у них имен сообщников. Когда их тела жгут огнем или раздирают железом, они улыбаются, словно не чувствуют боли. Пригвожденные к кресту, они поют свои победные песни. Настоящие дикари!

Зато иберийские кони, по мнению отца, достойны всяческих похвал. Малорослые, ниже нумидийских скакунов, уступающие им в скорости и легкости бега, они более выносливы. Навьюченные тяжелым грузом, они совершают дневные переходы в триста двадцать стадиев. Их не пугают бурные горные реки, узкие извилистые тропинки и бездонные пропасти. Во время сражений иберийские всадники часто спешиваются, оставляя своих коней без привязи или привязывая их к воткнутому в землю колышку, и лошади стоят, не проявляя в шуме боя никакого беспокойства. Часто всадник подсаживает на свою лошадь пехотинца,

и лошадь легко выдерживает обоих. Гамилькар отсылал в Карфаген иберийских коней тысячами. На пахоте, перевозке тяжестей – всюду, где требовались сила и выносливость, стали использовать «коротышек» – так карфагеняне называли иберийских коней.

Новый учитель

Гамилькар как-то сказал сыну:

– Царевичи получают власть от отцов. Мое место займет самый достойный. Может быть, это будет твой брат Магон или Гасдрубал...

Ганнибал сжал губы:

– Нет! Магон и Гасдрубал не смогут командовать войском. Их еще не учат стрелять из лука и скакать на коне. Пусть это будет Махарбал, который обучает меня верховой езде.

– Пожалуй, насчет Магона и Гасдрубала ты прав. Но ведь и Махарбал вряд ли подойдет для этого. Представь себе, что его вызовут в Большой Совет. Сумеет ли он отразить нападки Ганнона?

Мальчик помотал головой.

– Вот видишь! Тот, кто меня заменит, должен быть не только прекрасным наездником или смелым воином. Он должен думать за всех, знать больше других.

Однажды Ганнибал увидел быстро идущего отца и какого-то человечка, еле-еле поспевавшего за ним. У незнакомца был белый гладкий, как страусовое яйцо, череп и оттопыренные уши. На тонкой шее болтался плоский предмет на черном шнуре. Человечек то и дело его поправлял.

– Вот ты какой, Ганнибал! – воскликнул незнакомец, разглядывая мальчика, опиравшегося на дротик.

– Покажи нам свое искусство! – приказал Гамилькар сыну.

Мальчик занес руку назад и метнул дротик. Направленный умелой рукой, дротик попал в деревянный столб.

– Молодец! – похвалил Гамилькар. – А теперь подойди к нам ближе. Познакомься со своим новым учителем. Его зовут Силеном.

– А почему у него такое странное имя? – удивился мальчик.

– Мое имя! – всплеснул руками незнакомец. – Сколько раз возникал этот вопрос! Да, Силен! Но я не спутник Диониса, бога, о котором эллины рассказывают множество небылиц. В отличие от Силена, появившегося на свет в лесу, я родился в Каллатисе, на берегу Понта Эвксинского. Запомни имя моей родины – Каллатис. Ты видишь, я не толст, как скифская бочка. Меня не водят под руки, не привязывают к ослу. Чтобы избежать насмешек, которые вызывает мое имя, я не беру в рот вина, так что никто не скажет: «Учитель, а пьян, как Силен».

– Ты шутник, – проговорил Гамилькар, едва сдерживая улыбку. – И, кажется, успел заинтересовать моего сына, хотя он слышит имена Диониса и Силена впервые, как я – имя твоей родины. Итак, Ганнибал, познакомься. Силен из Каллатиса. Твой учитель.

– А чему же он будет учить? У меня уже есть учителя фехтования, верховой езды и стрельбы из лука... Ах, я знаю: ты пращник. – Ганнибал прикоснулся к черному шнуру на шее незнакомца.

Гамилькар и новый учитель рассмеялись.

– Мой сын, – проговорил Гамилькар, как бы оправдываясь, – вырос в лагере, среди воинов. Он различает людей лишь по их вооружению. Неудивительно, что он принял твой письменный прибор за пращу, а тебя – за пращника... Ты ошибся, Ганнибал, – сказал отец. – Силен не пращник – он научит тебя языку эллинов.

– Эллины – наши враги. Не нужен мне их язык! – пробормотал мальчик, опустив голову.

Гамилькар недовольно поморщился:

– Кто тебе это сказал?

– Ты сам. Помнишь, ты мне говорил о войнах, которые наш город вел с эллинами, о сицилийце Агафокле, который едва не захватил Карфаген?

– Но ведь это было почти сто лет назад! – воскликнул Гамилькар. – А теперь эллинские города Сицилии и Италии принадлежат Риму. Под игом Рима и великий Тарент, призвавший на помощь царя Пирра. В Таренте жил много лет твой новый учитель, пока не был изгнан римлянами.

Ганнибал с уважением посмотрел на эллина, который, очевидно, как и отец, был врагом римлян.

– Если хочешь знать, – продолжал Гамилькар, – эллины ненавидят римлян не меньше, чем мы. Но, будь даже эллины нашими недругами, все равно необходимо знать их язык. Овладеть речью врага – все равно, что выбить у него меч из рук. И еще. Язык эллинов был языком моей матери. Она была родом из Сиракуз.

– Моя бабка была эллинкой? – спросил Ганнибал, отступая назад. – Значит я на четверть эллин?

– Так же, как и твои братья, – ответил Гамилькар.

– Я буду учить тебя, мальчик, моему родному языку. Ты узнаешь о Гомере. Тебе протянет руку великий Аристотель... – заговорил Силен, смешно растягивая слова.

– А что они завоевали? – перебил его Ганнибал.

Силен снисходительно улыбнулся. Гамилькар шумно, раскатисто захохотал.

– Гомер покори́л мир своими звучными стихами, – сказал эллин, – а божественный Аристотель достиг того же мудростью. Сам Александр Македонский был учеником Аристотеля.

– Об Александре я знаю. Он дошел до Индии, где живут слоны.

– Александр совершил много других подвигов, достойных удивления. Поистине он был великим полководцем.

– Хорошо, эллин, я буду учить твой язык, – согласился мальчик, – но и ты меня научишь тому же, чему обучил Аристотель Александра. Я тоже хочу быть великим полководцем.

– Будет достаточно, если ты окажешься достойным своего отца...

– Вот вы и познакомились, – перебил Гамилькар эллина.

Полководец не выносил лести.

Эллин знал массу занимательных историй о моряках и воинах, об их приключениях в далеких странах. Мальчика немало удивляло, как все эти истории умещались в голове Силен. Но у нового учителя была странная привычка – прерывать рассказ на самом интересном месте. Проще было уговорить сурового Махарбала отменить ежедневную скачку, чем заставить добродушного эллина закончить рассказ.

– Что же было дальше? Циклоп сожрал Одиссея?

– Не знаю, – невозмутимо отвечал Силен. – Вот тебе свиток. Прочти.

– Я прочту, непременно прочту, только ты ответь: Одиссей спасся? – умолял мальчик.

– Я запомнил, – говорил в таких случаях эллин, неторопливо разворачивая папирусный свиток. – Садись-ка рядом, давай читаем вместе.

И они начинали читать Гомера. Глядя на Силен, можно было подумать, что он переживает вместе с героями «Одиссеи» ужасы бури, перед которой беззащитен человек, страх перед чудовищами и радость возвращения на родину. Когда они дошли до того места, где Одиссей под видом жалкого нищего вернулся на Итаку и рабыня Эвриклея узнала своего господина по рубцу на ноге, эллин залился слезами.

Ганнибал не разделял волнений эллина. Расплакаться из-за какой-то рабыни! Для мальчика творения Гомера были лишь собранием увлекательных сказок, не более, и когда царь Итаки возвратился на родину, судьба его перестала интересовать Ганнибала. Правда, Одиссей был хитер и настойчив, его не могли остановить никакие препятствия, но зачем он променял остров Кирки, царство феаков и другие сказочные страны на какую-то жалкую Итаку?

– Теперь об Александре, – все чаще и настойчивее просил он Силен.

Но учитель не торопился. Закончив «Одиссею», они перешли к «Анабасису» Ксенофонта. Это уже были не сказочные приключения моряков, а рассказ о подлинных событиях, повесть о злоключениях десяти тысяч эллинов в степях и горах Азии.

Наконец очередь дошла до Александра. Силен как-то принес пергаменный свиток, перевязанный кожаной тесьмой.

– Здесь, – сказал он, развязывая тесьму, – рассказ о завоеваниях Александра. Написал его македонец Птолемей Лаг, ставший после смерти Александра царем Египта. Я бы рад почитать с тобою этот свиток, но твой отец посылает меня в Карфаген за братьями.

Так Ганнибалу пришлось самому, без помощи учителя, проделать с Александром весь его восточный поход. Порой мальчику приходилось не легче, чем прославленному полководцу. Дебри чужого языка страшнее джунглей Индии и раскаленных песков Гедрозии. Проклятые энклитики и проклитики жалили, как змеи и скорпионы. Бесчисленные неправильные глаголы громоздились, как горы. От странных созвучий захватывало дух, как от разреженного воздуха. Но Ганнибал не хотел отступать.

Александр нравился Ганнибалу решительностью и смелостью. Покинув свою родину, он не стремился туда вернуться, как Одиссей или герои Ксенофонта. Он отказался не только от родины, но и от ее обычаев и богов. В Египте он поклонялся египетским богам, а в Вавилоне – вавилонским. Он хотел создать великое царство и властвовать над всем миром. А соратники и друзья Александра не понимали величия его цели. Уступки чужеземным обычаям казались им изменой. И хотя Птолемей говорил лишь намеками о таинственных обстоятельствах смерти Александра, Ганнибал не сомневался, что великий полководец был отравлен.

Книга об Александре была прочитана к возвращению Силена. Теперь в Иберии собралась вся семья Гамилькара. Полководец приказал продать все свои ливийские поместья, оставив лишь одну загородную усадьбу, которую можно было использовать как крепость. Казалось, он готовился к тому же, что и Александр, и хотел заставить своих сыновей забыть родину.

Все чаще и чаще Гамилькар беседовал с детьми, посещая уроки Силена и других учителей.

– Учитесь, львята! – как-то сказал он им. – Люди всегда чему-нибудь учатся – у друзей или у врагов, на собственных или на чужих ошибках. Не так ли, Силен?

Эллин утвердительно кивнул головой.

– Наши отцы, – продолжал Гамилькар, – совершали великие деяния, но и они ошибались. Они воспитывали сыновей своих у себя дома, обучали их всему, что должен знать хозяин, купец и мореход. Если юношам приходилось служить в войске, они были чужими для воинов. Во время похода рабы несли их щит, на привале мыли им ноги и обтирали со лба пот. Поэтому мы терпели поражения, поэтому нас разбили римляне. Я слышал, что римские полководцы не останавливаются даже перед казнью собственных сыновей, если они нарушают дисциплину. Так будет и с вами. Вам ясно?

– Да, отец, – ответил за всех Ганнибал.

Поручение

Всю ночь Гамилькар ходил из угла в угол своего шатра. Свежий ветер с гор врывался сквозь щели и колебал пламя светильников. Странные призрачные тени прыгали на сером холсте и кожаном пологе шатра, заменявшем дверь.

Вчера из Карфагена прибыла гаула. Дурные вести лишили Гамилькара сна. Порой полководец склонялся над квадратной медной доской и тревожно вглядывался в линии, обозначающие морские берега, русла рек, и в мелкие надписи с названиями бесчисленных ливийских племен. Он водил по доске пальцем, покачивая головой. Толстые губы его шевелились.

Утром, как обычно, Ганнибал заглянул к отцу. Смуглое, тронутое морщинами лицо Гамилькара было спокойно, только в тяжелом взгляде из-под нависших бровей чувствовалась едва заметная тревога.

– Входи, сын. Сегодня я дам тебе поручение.

– Какое, отец? – нетерпеливо воскликнул Ганнибал.

Гамилькар схватил сына за плечи и, приблизив к себе, долго смотрел в упор, словно пытаясь понять, на что он способен.

– Нам придется надолго расстаться. Я тебя отправлю за слонами.

– В Индию?

Гамилькар улыбнулся:

– Нет, не так далеко. Теперь по соседству с Карфагеном есть своя маленькая Индия, и царем в ней Рихад. Помнишь того погонщика, который привел первых двенадцать слонов?

– Да, отец.

Гамилькар сел и, подняв с ковра медную доску, положил ее себе на колени.

– Смотри внимательно. Вот наш город в глубине залива. Слева – похожая на змейку река Баград. Еще дальше – владения мавров, граничащие с океаном, а вот здесь, к югу, видишь небольшой кружок? Это озеро Тритонов. Оно находится на границах владений царя массасилов Гайи. На берегах этого озера наши вылавливают слонов и с помощью Рихада приучают повиноваться погонщику.

– Почему же ты говоришь о долгом расставании? Ведь морем до Утики не более пяти дней пути, а до озера, судя по этой доске, может быть вдвое больше.

Испытуяще глядя на сына, Гамилькар ответил:

– Я дам тебе еще одно поручение, о котором, кроме нас с тобой, не должен знать никто.

Понизив голос, полководец продолжил:

– К северу от Тритониды находятся земли нумидийских племен – массилов и массасилов. Их цари Сифакс и Гайя – враги и соперники. Каждый из них стремится захватить власть над всей Нумидией. Гайя – наш старый друг, но мы не хотим, чтобы он одержал верх над Сифаксом. Карфагену выгодна слабая и раздробленная Нумидия. Вчера мне стало известно, что в столицу Сифакса Цирту прибыли римские послы во главе со знатным римлянином Сципионом. Можно не сомневаться, что Рим роет мне яму. Пока жив Гайя, нам нечего опасаться: он не допустит Сифакса в Карфаген. Но Гайя стар, а Сифакс молод и энергичен. Кто может поручиться, что после смерти Гайи его наследник не пойдет на стовор с Сифаксом и стоящими за его спиной римлянами?

– Кто же наследник Гайи?

– По нумидийскому обычаю, царю наследует не сын, а брат. У Гайи лишь один брат. Это Нар-Гавас, добивавшийся руки твоей сестры Саламбо. После того как она отдала предпочтение Красавчику, Нар-Гавас стал нашим врагом. Хорошо еще, что Гайе не по душе обычаи предков и он мечтает передать власть своему сыну Масиниссе. Если Масинисса займет престол Гайи, он должен быть нашим другом.

– Сколько лет этому Масиниссе? – спросил Ганнибал, догадываясь в чем состоит поручение отца.

– Он твоих лет или помоложе на два-три года. Я слышал, что это пылкий и увлекающийся мальчик. Он в том возрасте, когда из человека можно вылепить все, как из глины. Но запомни: нумидийцы скрытны и честолюбивы. Они падки на почести. С этими слабостями можно мириться. Главное – они верны своему слову и не выносят обмана. Зная эти черты нумидийцев, тебе будет нетрудно подружиться с Масиниссой. Тем более, что ты говоришь на его языке. Ты должен завоевать душу юного варвара. Может быть, тебе это представляется делом, недостойным воина. Но пойми, будущее республики зависит от того, станет ли преемник Гайи нашим другом, будет ли он ненавидеть Рим так же, как мы.

Лицо юноши дышало гордостью. Еще бы! Отец отпустил его одного и дал ему первое серьезное поручение!

В этот же день Ганнибал простился с братьями, Силеном, Махарбалом и другими учителями.

Степь

Вокруг простиралась всхолмленная степь, не знавшая плуга. На горизонте ее окаймляли горы, затянутые сизой дымкой. Удушливо и пряно пахли травы. Высокие желтые цветы хлестали по ногам, оставляя на сандалиях желтые пятна пылицы. Часто прямо из-под копыт выскакивали маленькие зверьки с длинными, как у иберийских кроликов, задними ногами. Испуганные шумом дикие козы стремительно убегали прочь.

Рядом с Ганнибалом скакал Масинисса, босой, в коротком плаще, с бритой, как у большинства нумидийцев, головой. Лишь на макушке развевалась воинственная прядь.

Отец послал его вместе с этим юным чужестранцем к озеру, в окрестностях которого ловят и приручают слонов. Отпуская сына, Гайя сказал: «Ганнибал – наш гость!». Масинисса понимал, что это значит. Каждое желание гостя – закон. Нет страшнее преступления перед богами, чем обидеть или оскорбить гостя.

При виде дичи Масинисса, страстный охотник, то и дело тянулся к колчану со стрелами, но, поймав взгляд Ганнибала, снова хватался за конскую гриву. Масинисса чувствовал, что карфагенянин торопится, что ему хочется скорее увидеть слонов.

Ганнибал удивлялся быстроте нумидийских коней. Они скакали ровным галопом, красиво выбрасывая свои длинные, стройные ноги. Казалось, им неведома усталость. Изредка степь оглашалась их тревожным ржанием. Умные животные чуяли близость притаившихся в высокой траве змей или хищников и предупреждали всадников об опасности.

Попадались шатры нумидийцев – мапалии, напоминавшие кили опрокинутых бурей гаул. Обитатели этих хижин перекочевывали с места на место со своими стадами, и никто из них не мог бы показать землю, где он родился и где похоронены его предки. Ни разу на всем пути через владения Гайи Ганнибал не видел клочка пашни или фруктового дерева. Нумидийцы покупали муку у карфагенян, главной же их пищей были козье молоко, дичь, моллюски и мед.

Однажды на вершине холма Ганнибал увидел крест и на нем какую-то фигуру. Из-за большого расстояния трудно было различить, кто это.

– Беглый? – спросил Ганнибал, указывая на крест. Он имел в виду карфагенский обычай распинать на крестах непокорных и беглых рабов. Юный нумидиец не понял вопроса.

Когда они приблизились к кресту, оказалось, что распят не человек, а огромный лев с мохнатой гривой, которую Ганнибал принял за накинутый на голову мешок. Отважные нумидийские пастухи убили царя зверей и привязали его к кресту, чтобы отвратить от стад других хищников. Так же поступали под Карфагеном землепашцы, привязывавшие к шестам ворон. Масинисса же не понял Ганнибала, видимо, потому, что у его соплеменников не было рабов или они обращались с ними иначе, чем в Карфагене.

Чем ближе знакомился Ганнибал с жизнью нумидийских кочевников, тем больше понимал, какое трудное поручение дал ему отец. Сделать Масиниссу другом, когда ему так мила дикая воля этих бескрайних степей! Город оглушит его своей суетой, напугает алчностью и бессмысленной жестокостью. Здесь он чувствует себя щедрым хозяином, поставившим яства на стол. А в Карфагене Масинисса будет бедным гостем, допущенным к трапезе из милости. И ничто не заменит ему этого простора, этих парящих над холмами беркутов, этого запаха горьких трав.

На третий день вдали заблестела гладь озера. Его берега густо поросли высоким камышом, напоминавшим молодой лесок. Приближение всадников вызвало переполох гнездившихся в камышах уток, и целая туча птиц повисла над озером.

– А где же Рихад со своими слонами? Где «Маленькая Индия», о которой рассказывал отец? – Ганнибал растерянно оглядывался по сторонам.

– Там, за холмами, – сказал юный нумидиец. – Видишь верхушки столбов?

Ганнибал взглянул туда, куда показывал Масинисса, но не увидел никаких столбов. «Недаром нумидийцев называют степными орлами», – подумал он, удивившись зоркости своего спутника.

«Маленькая Индия»

Это был целый город, выросший в степи, словно по знаку чародея. Загоны, бесконечные ряды мапалий и большое кладбище для тех, кого убили слоны. Из каждых пятерых смельчаков, отправлявшихся на ловлю четвероногих гигантов, возвращалось живыми всего двое. Но желающих испытать свою судьбу не убавлялось. И все это благодаря иберийскому серебру. Гамилькар, готовившийся к большой войне, не жалел ни серебра, ни человеческих жизней.

Рихад, встретивший Ганнибала и Масиниссу, не был похож на царя «Маленькой Индии». В своем неизменном выцветшем на солнце плаще, с чалмой на голове он остался тем же погонщиком слонов, каким его знал Ганнибал в детстве. Познакомившись с индийцем поближе, он понял справедливость слов отца: «Этот человек стоит целой армии!». Вот и ошибся Красавчик, уверявший, что никому не удастся оседлать дикого и бестолкового «ливийца». По словам Рихада, ливийские слоны превосходят индийских свирепостью и силой и не уступают им в сообразительности. Незачем везти слонов из Индии, когда они под боком.

Индиец взялся сам показать гостям свои владения. Первый загон, к которому он подвел Ганнибала и Масиниссу, напоминал те, в которых пастухи запирают на ночь овец. Только вместо жердей и подпорок здесь были врытые в землю гладкие столбы. За ними на ровной, вытоптанной площадке ходили или лежали слоны: самцы и самки, слонята ростом с добрую лошадь.

– Это уже обученные?

– Дикари, – коротко ответил индеец. – Еще несколько дней назад они бродили там, за озером.

В центре другого, квадратного загона торчало какое-то странное сооружение. Два высоких столба, вбитых наискось в землю, образовывали треугольник. Между столбами стоял слон. С вершины треугольника свисала веревка, за которую держался человек. Вот он спустился на спину слона. Животное угрожающе помотало хоботом и, наклонившись, сбросило человека. Тот проворно взобрался вверх по веревке. Но вот он снова на спине у слона. И снова слон делает то же движение. Снова человек поднимается вверх.

С любопытством следил Ганнибал за этим состязанием в терпении и упрямстве. Сдалось животное. Ему, видимо, надоело заниматься таким пустым делом. Слон тихо качал головой, словно хотел сказать: «Это, конечно, глупо, но, если вам это по душе, я уступлю».

– После этого ты отправляешь слона в войско? – спросил Ганнибал.

Индеец улыбнулся:

– Это новобранец. Из него я сделаю воина. Нужно научить его исходной стойке и поворотам, бою в открытом поле с пехотой и конницей, сражению с вражескими слонами, нападению на неприятельский лагерь. Все это предписывает в «Артхашастре» советник великого Чандрагупты – Каутилья.

– Не тот ли это Чандрагупта, с которым воевал Селевк Никатор? – спросил Ганнибал, вспоминая свои занятия с Силеном.

– Да, тот самый, который разбил Селевка, а потом стал его тестем и дал в приданое за дочерью пятьсот боевых слонов.

Тут же рядом, у треугольника, стояла слониха со слоненком. Видимо, она должна была сменить слона.

– А этих вы тоже учите? – спросил Масинисса, показывая на слоненка.

– Да нет! У нас их ловят для забавы, – индеец пренебрежительно махнул рукой. – Только с двадцати лет слон пригоден для дела, а лучшим считается сорокалетний. Впрочем, из малышей тоже получают отличные бойцы, если не пожалеть времени для их обучения. Вожак моего стада Сур был пойман малышом и подарен сирийскому царю Антиоху. Но сирийцы

не умеют приручать слонов, и царь поручил Сура мне. С тех пор мы с Суром друзья. Сейчас ему лет двадцать.

– А сколько же лет тому, что в треугольнике? – спросил Ганнибал.

– Тридцать. Он в расцвете сил. Видишь, какие у него блестящие бока и ровная поясница. Спина по форме похожа на сосуд, в каком на моей родине хранят воду. Этот дикарь будет хорошим воином.

– А бывают слоны, которые не смиряются?

– Да. С ними мы поступаем иначе.

Взяв Ганнибала за руку, индеец повел его к другой стороне загона. В самом его углу он увидел слона, привязанного толстыми канатами к столбам, глубоко врытым в землю. Слон прилагал все усилия, чтобы освободиться. Чем больше напрягался слон, тем глубже врезались канаты в его тело. Пленник жалобно ревел, словно призывая на помощь стадо. Но другие слоны равнодушно лежали на земле, не обращая никакого внимания на этот призыв.

Увлеченный непривычным зрелищем, Ганнибал совсем забыл о Масиниссе. Тем неожиданнее для него был порыв юного нумидийца. Юноша бросился к столбам и ударом меча обрубил один из канатов.

– Ненавижу! – шептал Масинисса, глядя в упор на Ганнибала. – Всех ненавижу, всех! Слоны лучше вас. Они выросли свободными. Они никому не причиняют зла. Они мирно пасутся в наших степях. У вас, карфагенян, много серебра, но мало совести. Вам недостаточно наемников – вы хотите превратить этих кротких животных в убийц.

В тот же день Ганнибал и Масинисса покинули «царство» Рихада. Ганнибал не хотел подвергать риску едва завязавшуюся дружбу с юным нумидийцем. В гневе Масинисса высказал то, что наверняка говорят между собой его соплеменники. «Для них мы всегда останемся чужаками», – думал Ганнибал.

Софониба

Карфаген ошеломил Масиниссу. Да и не только обитателя степи мог поразить великий город. Каждого, кто впервые в него попадал, изумляло великолепие храмов, гордо поднявших к небу свои кровли, множество высоких домов, многолюдность улиц и площадей. Вероятно, на одном лишь торжище у гавани больше людей, чем в целом племени. И эти люди не стояли на одном месте, а словно исполняли какой-то диковинный танец. Их голоса сливались с мычанием, ржанием, блеянием, ревом.

Масинисса долго не мог привыкнуть к сутолоке и кипучему ритму огромного города. Юный нумидиец чувствовал себя здесь как в ловушке. Он наталкивался на прохожих, или прохожие наталкивались на него. Однажды, когда он остановился посреди улицы, чтобы сосчитать, сколько у дома этажей, на него наехали ослы торговца глиняной посудой. Сосуды грохнулись на мостовую и разбились вдребезги! Тут же собралась толпа зевак. Разъяренный торговец схватил оторопевшего Масиниссу и начал трясти его, как смоковницу. Подоспевший Ганнибал спас своего друга, оплатив убытки.

Ганнибал показал Масиниссе свой родной город. Они посетили городскую крепость Бирсу. Впрочем, юного варвара больше поразила не толщина ее стен, не каменная лестница, ведущая к храму Эшмуна, а легенда о царице Дидоне, создавшей эту древнейшую часть города.

– Хитра же она была – эта ваша Дидона! – удивлялся Масинисса. – Купила столько земли, сколько можно покрыть шкурой быка, а потом разрежала шкуру на узкие полоски и захватила весь холм.

Масиниссу нельзя было оторвать от кораблей. Они казались ему огромными крылатыми чудовищами из сказок и песен его племени, которые пришли сюда, чтобы заполнить свое ненасытное чрево громоздившимися на берегу товарами – черным деревом, слоновыми бивнями и туго набитыми кожаными мешками. Еще больше нумидиец удивился, узнав, что в мешках – сушеный тростник.

– Да ведь это сильфий! – воскликнул он, втянув ноздрями воздух. – У нас им лечат овец.

– А в Афинах и в Риме, да и во всем мире, – сказал Ганнибал, – им пользуются от всех болезней.

Масинисса удивленно щелкнул языком:

– Люди пускаются в далекие плаванья, подвергают свою жизнь опасностям ради слоновых бивней и сильфия! Они теснятся в городах, когда есть столько степей и лесов.

Прошло не более недели, и Масинисса, как казалось Ганнибалу, немного освоился с суетой города. Он ходил по тротуарам, не натываясь на прохожих. Слыша вопли избиваемых рабов, уже не бросался в дом, чтобы за них заступиться, не выпускал на базаре из клеток певчих птиц, не заплатив за них денег.

Ганнибал стал отпускать Масиниссу одного.

Из прогулок по городу Масинисса стал возвращаться поздно. У него было удовлетворенное лицо и сияющий взгляд.

– Тебе нравится наш город? – спрашивал Ганнибал, радуясь хорошему настроению своего подопечного.

– Мне никогда не было так хорошо, как сейчас, – отвечал нумидиец.

Однажды, это было после полудня, Масинисса вернулся без своей войлочной шляпы, в разорванной тунике.

– Что с тобой? – удивленно воскликнул Ганнибал. – Где ты был? Тебя искусили собаки? Юноша яростно сверкнул глазами.

– Да, собаки, карфагенские псы! О, я им еще покажу! Я им заткну глотки.

– Успокойся, расскажи по порядку, кто и почему тебя оскорбил.

Нумидиец взглянул в глаза Ганнибалу, и тот прочел в них такую грусть, что первым его порывом было обнять юношу, попавшего в какую-то беду.

Масинисса говорил торопливо, сбивчиво, вскакивал и снова бросался на ковер, хватаясь руками то за голову, то за грудь.

– Я шел по улице к гавани, чтобы снова взглянуть на корабли, пришедшие из той страны, где восходит солнце. У храма Танит меня обогнали рабы с крытыми носилками на плечах. Из носилок легко, как опускаются на землю птицы, вышла девушка. Я не знал, кто она, но сердце мое рванулось к ней. Ты слышишь, как оно бьется, мое сердце? Я смотрю на тебя, а в глазах у меня она. Будто меня околдовала богиня Танит. Я стоял, прислонившись к колонне, и мне казалось, что до этого я не жил на свете. Она вышла из храма и исчезла за пологом носилок, словно мне она приснилась. Весь следующий день я провел у храма, и нищие, просившие милостыню, уже показывали на меня пальцами, как на старого знакомого, а голуби Владычицы привыкли ко мне и ходили у моих ног. И я дождался ее. В тот день она меня увидела. Какие у нее светлые и сияющие глаза! Когда она вышла из храма, я подошел к ней. Она отослала рабов, и я проводил ее. Если бы ты знал, как мне хотелось, чтобы дом ее был на другом конце города... нет, в другом городе, в другой стране! Тогда мы шли бы рядом долго-долго, пока на небе не вспыхнут звезды, и снова день, и снова звезды, звезды, звезды. Но путь до ворот ее дома показался мне кратким, как тень в полдень, а время до следующей встречи с Софонибой – вечностью.

– Ее зовут Софониба? – удивился Ганнибал. – Мне кажется, я слышал о девушке с таким именем.

– Я пришел к ней на следующий день. Рабы закрыли передо мной калитку. Но я перемахнул через забор. Могла ли меня удержать каменная стена, когда вместо рук у меня словно выросли крылья!

Масинисса замолчал.

– Продолжай, – торопил его Ганнибал. – Что было дальше?

– Я говорил с отцом Софонибы, просил его, чтобы он отдал дочь мне в жены, а он приказал своим рабам выбросить меня за ворота.

Ганнибал стиснул зубы, словно от боли. Он чувствовал свою вину за это нелепое происшествие. Разве можно было разрешать нумидийцу одному бродить по городу? Хорошее же у него останется воспоминание о Карфагене, где его выбросили за ворота, как последнего нищего!

– Если ты мне друг, – жарко шептал Масинисса, – выполни мою просьбу. Ночью я выведу коня. Ты подождешь у ее дома, а я вынесу Софонибу на руках. Мы ускачем, и никто нас не догонит.

– Но отец Софонибы пожалуется твоему отцу, и Гайя выдаст ее.

Масинисса тряхнул головой. Прядь волос на макушке чуть не задела лицо Ганнибала.

– Мы поселимся в степи. Я построю мапалию, буду собирать мед, охотиться на диких коз и уток. У нас будет вдоволь молока и дичи. Я покрою пол и стены львиными шкурами, чтобы внутри не задувал холодный ветер.

– Постой, Масинисса. А ты спросил Софонибу, согласна ли она бежать с тобой?

– В нашей стране не спрашивают девушку, хочет ли она быть женой. У нас девушку увозят, а отцу дают выкуп.

– Но Софониба не из твоего племени. В Карфагене другие обычаи. И понравится ли Софонибе твоя мапалия? Захочет ли она ходить в звериной шкуре, пить козье молоко, есть полусырое мясо? Она выросла в доме с прямыми каменными стенами, привыкла спать на ковре, умащаться розовым маслом, есть жаркое из собачек. Привыкнет ли она к одиночеству, к ночному рычанию львов и завыванию шакалов?

Масинисса готов был заплакать. Теперь он понял, что ему не на что надеяться.

Ганнибалу внезапно пришло на ум: «А что если эта Софониба сумеет привязать нумидийца к городу, приручить его, как Рихад приручает слонов?»

– Не отчаивайся! – сказал он. – Ты поступил опрометчиво, но я сам отправлюсь к отцу Софонибы и объясню ему, что ты не хотел его обидеть, что ты не знал наших обычаев. И, если он умный человек, он не откажется от родства с царем массасилов.

– Но я ведь не царь! – воскликнул Масинисса.

– Но ты можешь им стать. У нас есть обычай. Его называют помолвкой.

– Помолвкой? – переспросил Масинисса.

– Да, помолвкой. Жених и невеста в храме обмениваются подарками, а мужем и женой они становятся через несколько лет. Я попытаюсь уговорить отца Софонибы согласиться на помолвку, с тем, чтобы свадьба состоялась тогда, когда ты наденешь корону.

Масинисса оторопел.

– Теперь я понимаю, почему на меня рассердился старик. Я ему говорил о свадьбе, а когда он ответил, что я еще слишком молод и не достоин руки его дочери, вытащил кинжал и предложил сразиться верхом на конях. Тогда-то он и приказал слугам выкинуть меня из своего дома.

– Ты предложил будущему тестю поединок? – спросил Ганнибал, давась от хохота. – Я думаю, ты его напугал до смерти. Предоставь это дело мне. Тебе лишь надо узнать, как зовут отца Софонибы, где его дом.

– Да вот он, – сказал нумидиец, протянув руку в направлении к Магаре. – Видишь эти башни из белого камня среди цветущих деревьев, правее озера?

Ганнибал едва не вскрикнул. Нумидиец показывал на дворец Ганнона, по словам отца, бывшего причиной величайших бедствий для республики. Ибо в то время, когда Гамилькар воевал против римлян на островах, Ганнон управлял ливийскими владениями Карфагена. Неслыханными насилиями и грабежами он добыл себе богатства и вложил их в строительство дома, превосходящего своей роскошью дворцы восточных владык. Не удивительно, что разоренные ливийцы примкнули к восставшим наемникам.

– Ты был у Ганнона, – угрюмо промолвил Ганнибал. – Кто бы мог подумать, что Танит тебя направит к этому человеку!

– Ты знаком с Ганноном? – воскликнул Масинисса.

Ослепленный любовью, он не заметил тревоги на лице собеседника.

– О, нет, – сказал Ганнибал. – В нашем городе нет ни одного человека, который не слышал бы о Ганноне, хотя не каждый удостоился чести знать его лично. Вместе с моим отцом он воевал против восставших наемников и ливийцев. Много раз Ганнон был суффетом. Он самый влиятельный и богатый человек в нашей республике.

– Ваши отцы сражались вместе! – обрадовался Масинисса, обратив внимание только на эту часть рассказа Ганнибала. – Ганнон послушает тебя. Иди к нему и скажи, что я царский сын и хочу помолвки.

Ганнибал смутился, услышав эти слова, произнесенные с жаром и детской непосредственностью. Он мог бы объяснить сыну степей, что совместная борьба Гамилькара и Ганнона против повстанцев не только не сделала их друзьями, но вырыла между ними пропасть более глубокую, чем та, куда бросали приговоренных к смерти. Каждый из полководцев приписывал победы в этой войне себе, а поражения – другому. Но, если Масинисса поймет, что он, Ганнибал, не в состоянии ему помочь, не совершит ли нумидиец какой-нибудь непоправимый ребяческий поступок?

– Скажи ему, – продолжал Масинисса, – что я не знал ваших обычаев, что я не хотел его обидеть.

– Я боюсь помешать тебе, Масинисса, – глухо молвил Ганнибал. – Ганнон может и меня выкинуть из своего дома. Да и Софониба тебе не пара. Разве нет красивых девушек в твоём племени?

Нумидиец несколько мгновений молча смотрел на Ганнибала. Он не мог понять, что произошло с его новым другом. Только что он сам предлагал пойти к отцу Софонибы, а теперь отказывает ему в помощи. Значит, все, что говорят соплеменники о картхадашцах, не ложь, не клевета. Оставить в беде гостя, обмануть для них проще, чем зевнуть. И Ганнибал не исключение!

Масинисса резко повернулся и выбежал во дворик, где томился и скучал по степному приволью его конь.

«Что я наделал! – в отчаянии думал Ганнибал. – Масинисса упрям и своеволен. Он добьется своего. Он станет зятем Ганнона. Как будет разгневан отец. Хорошо же я выполнил его поручение!»

Во дворце Ганнона

Мраморные колонны были обвиты плющом и диким виноградом. Запах цветущих яблонь и миндаля наполнял воздух. Услышав быстрые шаги, Софониба подняла голову. По дорожке, усыпанной розовыми и белыми лепестками, шел отец. Края его плаща развевались, по нетерпеливому выражению лица было видно, что у отца какая-то новость.

– Ты знаешь, доченька, кто этот дерзкий мальчишка? – молвил Ганнон, отдышавшись. – Ну да, тот самый, которого рабы выкинули за ворота.

Софониба отложила шитье. На плотной зеленоватой материи был вышит леопард в зарослях тростника.

– Это сын Гайи, царька массасилов, – продолжал Ганнон. – Знай я об этом раньше, я выпроводил бы его из дому с меньшим шумом. Разве на лбу у него написано, что он царский сын? И какая наглость – размахивать перед моим носом кинжалом!

Девушка наклонила голову. Румянец покрыл матовую белизну ее лица. Тень длинных ресниц легла на щеки. Увидев смущение дочери, Ганнон расхохотался. Затряслись дряблые складки лица, закинулась вверх и запрыгала остроконечная борода.

– Представляю тебя царицей массасилов, – проговорил Ганнон, сдерживая смех. – Тебя окружают придворные дамы с украшениями из разрисованных страусовых яиц. А столица-то – двадцать мапалий! А дамы-то, дамы – босиком!

Софониба еще ниже наклонила голову.

– Можешь не беспокоиться, дружок, – ласково сказал Ганнон. – Тебе не придется покидать дом, в котором ты выросла. Покажи твое шитье, девочка. Что это у тебя? Леопард? Ноги у него слишком длинные, и у тростников не такие верхушки.

– Да, отец. Но я никогда не видела живого леопарда и настоящих тростников. Я не знаю, какие у них стебли, какие верхушки. Я не была в степи Масиниссы. Как хорошо он о ней говорит!

– Ты не видела живого леопарда? – перебил Ганнон. – Я сейчас же прикажу, чтобы поймали леопарда и доставили сюда в крепкой клетке.

– Не надо мне леопарда в клетке! – вскрикнула девушка и бросила шитье на пол. – Я буду вышивать лебедей, белых лебедей. Помнишь, когда я заболела, ты привез клетку со львом, чтобы он отпугивал злых духов. Ночью я проснулась от страшного крика. Ты, разгневавшись, приказал бросить в клетку чернокожую Гелу. А чем она провинилась, я до сих пор не знаю... Не надо мне леопарда в клетке! Не надо!

Ганнон заметно смутился. Ему казалось, что дочь давно уже забыла об этой дерзкой рабыне, посмевавшей ему перечить. Господин волен сделать с невольницей, что ему угодно. Так поступают все. Но его враги распространили слухи, будто он, Ганнон, содержит целый зверинец и кормит львов рабами из скупости. «Люди всегда преувеличивают, особенно когда они завидуют богатству и славе», – подумал себе в утешение Ганнон.

– Не волнуйся, дружок, – сказал он дочери. – Если ты не хочешь леопарда в клетке, я тебе покажу зверя на воле и настоящие тростники. Мы отправимся в Нумидию. Только во владениях Гайи не будет моей ноги. Мы поедем в Цирту, к Сифаксу, царьку массилов. Гайя – друг Гамилькара. А ты знаешь, как я отношусь к этому человеку.

– Еще бы! Не было дня, чтобы я не слышала от тебя этого имени! Но я даже не знаю, сколько этому Гамилькару лет и прекратится ли когда-нибудь разделяющая вас вражда?

– Гамилькар не молод, – ответил Ганнон не сразу. – Не молод. Но если он умрет раньше меня, моя ненависть перенесется на его сыновей. Ганнибал, Гасдрубал, Магон. Он их вскармливает, как львят, натравливая на Рим. К тому же Гамилькар обучает Ганнибала языку эллинов.

– И что в этом дурного? – удивилась Софониба.

– А то, – произнес Ганнон торжествующе, – что законом республики запрещено под страхом изгнания изучать язык эллинов. Пусть это старый закон, принятый в те годы, когда эллины были нашими врагами, но его никто не отменял, и я буду настаивать, чтобы Гамилькару запретили возвращение в Карфаген.

– Отец, – робко сказала Софониба, – все говорят, что Гамилькар – спаситель отечества и великий воитель. Он разбил вместе с тобою восставших варваров, а теперь покориł иберов.

– «Все»! – Ганнон саркастически улыбнулся. – Эти «все» не видят дальше своей вытянутой руки. Советники любят получать дорогие дары. Гамилькар не скупится на них, благо в Иберии много серебра. А черни нравятся пышные церемонии с вереницей слонов и проводами войска, с даровым угощением и блеском огней. Но поверь мне, за все это придется расплачиваться дорогой ценой. Как быстро люди забывают о своих прошлых ошибках! Римская война нас ничему не научила. А Гамилькар толкает республику к новому, еще более страшному бедствию.

Софониба взяла шитье. Проворно сновала игла с золотой нитью, шелестела материя под тонкими пальцами. Что Софонибе до вражды, разделяющей отца и Гамилькара! Какое ей дело до Ганнибала, обучаемого языку эллинов? Сердце Софонибы заблудилось в сказочной стране, где травы по колено, где голубеют озера, созданные богами, а не руками рабов, где по зеркальной глади плывут не лебеди с подрезанными крыльями, а невиданные птицы, яркие, как заря, где трубят, подняв к небу хоботы, мирные, не обученные человеком слоны. В той далекой стране, нарисованной чувством Масиниссы, светлым чувством первой любви, заблудилось сердце Софонибы.

Смерть Гамилькара

Гамилькар трудно умирал. Иберийский дротик угодил ему в грудь и пробил легкое. И хотя лекарям удалось вытащить железо, он что-то искал под раной, метался и вскакивал с ложа. Возле умирающего день и ночь толпились жрецы – карфагенские, кельтские, нумидийские и этрусские. Холодеющими пальцами Гамилькар ощупывал протянутую ему морскую губку, которая, по поверьям эллинов, смягчала боль, глотал лекарства, горькие, как степная полынь, и сладкие, как финиковый мед, повторял слова заклятий и молитв на двенадцати языках. Шатер полководца содрогался от грохота металлических щитов, гудения труб, завывания флейт: друиды, специально приглашенные из кельтских земель, изгоняли злых духов. Жрецы Эшмуна принесли в жертву своему жестокому богу семь юношей, семь жизней за одну. Этрусские гаруспики гадали по печени и предсказывали выздоровление.

Все было напрасно. Смерть стояла у порога шатра, невидимая и неотвратимая, как ночь. И, когда Гамилькар это понял, он прогнал жрецов. С умирающим остался отозванный с корабля Красавчик. Ему одному Гамилькар мог доверить войско.

– Я знаю, ты человек моря, – сказал полководец, нащупывая холодную руку Гасдрубала. – Но победить можно только на суше. Военные корабли не пройдут по Тибру. Стены не взять на абордаж.

– Ты прав, отец, – проговорил Гасдрубал, отвечая на рукопожатие. – Флот нам не поможет. Войско возглавят твои сыновья.

– Сыновья еще молоды. Ганнибалу семнадцать, а Гасдрубалу и Магону обоим двадцать пять. Им нужна сильная рука. Армию возглавишь ты, и ты останешься им за отца, – шептал Гамилькар. – Пусть они будут в гуще боя, не выделяй их среди воинов, не изнеживай. Когда Ганнибал приведет слонов, пусть они пасутся в горах. Там сочная трава.

Гамилькар начал бредить. Он выкрикивал какие-то имена, о чем-то просил, что-то приказывал. Придя в сознание, он с усилием поднял голову. Сыновья стояли на коленях, бледные, испуганные.

Умирающий искал глазами Ганнибала.

– Его вызвали письмом, – прошептал Красавчик. – Он уже в пути.

– Слоны... – с трудом произнес полководец, – слоны должны растоптать Рим, вы слышите, львята?

Гамилькар уронил голову на войлочную подстилку.

Город облачился в траур. Люди ходили в черных одеждах, с волосами, посыпанными пеплом. Смерть Гамилькара казалась многим гибелью планов возрождения республики. Все были уверены, что созданная с таким трудом и огромными затратами иберийская армия немедленно распадется, наемники разбегутся. Кому они будут подчиняться? Не Гасдрубалу же, не имеющему ни военного опыта, ни славы Гамилькара! Или этому желторотому юнцу Ганнибалу?!

Известие о смерти отца потрясло Ганнибала. Юноша был подавлен горем. Отец говорил, что они расстанутся надолго, а они расстались навсегда. Трудно поверить, что больше нет единственного близкого ему человека, воина, полного сил и веры в великое будущее Карфагена. Кому теперь расскажет Ганнибал о постигшей его неудаче с Масиниссой? С кем поделится тревогами и сомнениями?

Только теперь Ганнибал по-настоящему осознал, кем был его отец для республики. Двойное чувство – гордости и боли охватило Ганнибала. Со слезами на глазах он выслушивал слова сочувствия от незнакомых ему людей. Одни сражались под началом отца в Сицилии, других он спас от взбунтовавшихся ливийцев и наемников. Все эти люди говорили о Гамилькаре так, словно он был их родителем. И Ганнибал чувствовал себя членом огромной семьи, объединенной искренней любовью к умершему отцу.

С тем большей горечью воспринял он весть о том, что произошло в Большом Совете. Ганнон и его друзья явились на заседание в белом, словно смерть великого полководца была для них праздником. Стоя, советники выслушали речь суффета Бомилькара о заслугах полководца. А когда суфлет закончил свою речь, слово взял Ганнон.

– Довольно говорить о прошлом! – начал он резко. – Подумаем о предстоящем. Гамилькара оставил нам в наследство иберийскую армию во главе со своим зятем Гасдрубалом. Он завещал нам войну. Одни боги знают, чего она нам будет стоить. Распустить армию – в этом спасение республики. А юношу Ганнибала, которого требует к себе в Иберию Гасдрубал, надо оставить здесь. Пусть он находится вдали от войска, подчиняясь законам и властям республики.

Ганнибал, предупрежденный друзьями, поспешил в гавань Утики. Там можно было быстрее найти корабль. В гавани его ждал Масинисса. Его конь был весь в мыле. Видимо, Масинисса очень торопился. В руках у нумидийца белел свиток папируса, скрепленный царской печатью.

– Отец велел передать это тебе, – сказал юноша, протягивая Ганнибалу свиток. – Он уже знает о смерти Гамилькара и скорбит вместе с тобою.

– А как Софониба? – спросил Ганнибал, засовывая свиток за край плаща.

– Почему ты мне не сказал обо всем сразу? – с укором проговорил нумидиец. – Отец и слышать не хочет об этой помолвке. Он говорит, что не позволит мне породниться с врагом твоего отца.

– Я не мог тебе это тогда объяснить, ты был слишком взволнован. Теперь ты знаешь все. Софониба не виновата, что ее отец – Ганнон, но Гайя прав, когда отказывается выполнить твою просьбу.

– Нет, не прав! Не прав! Не прав! – выкрикнул Масинисса. – Какое мне дело до того, что ваши отцы были врагами?! Твой отец, да будут к нему милостивы подземные боги, ушел в страну, откуда нет возврата. Тени мертвых не должны стоять на пути у живых.

– Но Ганнон не тень, – со вздохом отозвался Ганнибал. – Вчера Ганнон выступал в Большом Совете. Он требовал задержать меня здесь. Он мой враг.

– Ну и пусть, – сказал Масинисса, стараясь не глядеть в глаза Ганнибалу. – Пусть Ганнон твой враг. Я увезу Софонибу с собой. Наш след затеряется в травах, и нас не настигнет ваша вражда. Этому никто не сможет помешать, даже мой отец.

Масинисса подбежал к своему коню и легко вскочил на него. Ганнибал долго смотрел ему вслед. «Вот и пришел конец нашей дружбе, – подумал он. – Случайная встреча с неведомой девушкой у храма Танит разрушила все мои планы. Как же должно быть могущественно это чувство, если оно заставляет расходиться друзей, делает врагами отца и сына! А я? Встречу ли я когда-нибудь свою Софонибу? Или мною будет владеть не Танит, а боги войны, которым посвятил меня отец?»

На корабле Ганнибал сломал печать и развернул свиток. Гайя просил Ганнибала, чтобы он взял Масиниссу с собой в Иберию. Юноша своеволен и вбил себе в голову мысль о помолвке с дочерью Ганнона. «В схватках с врагами, – писал Гайя, – врагами твоего отца и моими врагами, он поймет, в чем истинное назначение и счастье мужа».

Корабль выходил из бухты. Скачущий всадник казался едва заметной точкой. «Гайя плохо знает своего сына, – подумал Ганнибал. – Масинисса не нуждается в наставлениях и не выносит наставников. У него свои представления о счастье мужчины. Он погибнет или добьется своего».

Суровая школа

Красавчик в точности выполнил волю Гамилькара. Ганнибал служил в войске рядовым воином. Наравне со всеми он переносил жару и холод. Повинуясь начальникам, он шел в разведку, раньше всех вступал в битву, последним уходил. Махарбал давно уже считал его первым наездником в армии, а балеарские пращники – лучшим стрелком. Он не отличался одеждой от других воинов, спал на земле, закутавшись в плащ. Он умел говорить не только на языке эллинов, но свободно изъяснялся на нумидийском, лигурийском, кельтском и иберийском языках.

И, может быть, именно это больше всего снискало Ганнибалу уважение воинов разноплеменной армии. Притворясь спящим, он не раз слышал, как спорили о нем наемники. Эллины уверяли, что мать у него родом из Сиракуз, что она научила его языку своих предков. Нумидийцы яростно доказывали, что Ганнибал рожден их соотечественницей, происходящей из того же племени, что и Нар-Гавас. Прославленные пращники-балеарцы считали, что детство Ганнибал провел на их острове, и даже точно указывали селение, где он жил и выучился благородному искусству метания камней.

И все сходились на том, что Ганнибал не карфагенянин. В нем не было скарденности, он не любил брать подарков и делился всем, что имел, с друзьями и просто с теми, кто оказывался рядом. Когда во время разведки был ранен воин-ливиец, Ганнибал разорвал свою одежду и перевязал ему раны, а потом, полуголый, скакал под дождем с непокрытой головой, бронзовогрудый, прекрасный, как юный бог. И на том же коне за его спиной сидел спасенный ливиец. Он был прост и доступен. Он умел повиноваться и подчинять своей воле других.

Махарбала и других старых воинов поражало внешнее сходство Ганнибала с отцом. Тот же упрямый подбородок, то же повелительное выражение глаз. Казалось, ожил сам Гамилькар, который в дни молодости вел воинов с высот Эрикса на римские легионы.

В пору больших дождей войско, утомленное и поредевшее в стычках с иберами, возвращалось в Новый Карфаген. Этот город в южной части Иберии, построенный на узком, далеко выступающем в море мысе, был делом рук Красавчика, его гордостью. Город рос прямо на глазах. Несметные толпы рабов, добываемых в войнах с иберами или привозимых из Карфагена, Утики, Гадира, возводили прекрасные дворцы и храмы, мостили улицы, сооружали массивную стену, перегородившую перешеек и сделавшую новый город неприступной крепостью. Желая затмить Карфаген, славившийся садами и озерами Магары, Гасдрубал приказал выкопать большие яблони, груши, смоковницы и доставить их в город. Подвластные иберийские племена, обычно платившие дань серебром и людьми, в течение года тоже возили сюда кусты и деревья. И, хотя многим казалось это требование диким, оно было выполнено. Иберы знали, к чему ведет неповиновение.

И Новый Карфаген за один лишь год покрылся садами, украсился озерами с белыми лебедями, плавающими по их зеркальной глади. Это было сказочное превращение каменистого полуострова в город и сад.

Ганнибал жил во дворце Красавчика. Ганнон лопнул бы от зависти, если б увидел всю эту роскошь. Крыша была из серебряных пластинок, сложенных наподобие черепицы. Говорили, что на нее ушло сто талантов серебра. Стены и лестницы были из эбенового дерева, привезенного мореходами из страны чернокожих.

Но не менее, чем сказочная роскошь дворца, его посетителей поражала непонятная привязанность Ганнибала к Красавчику. По тонким расчетам Ганнона, они должны были перегрызть друг другу глотки. Зять унаследовал власть Гамилькара над войском, все богатства этой страны, а родному сыну не досталось ничего.

Уже много лет он служит в войске простым воином, и только зимой его пускают во дворец. Но и во дворце он занимает крохотную каморку, достойную какого-нибудь раба, а не сына Гамилькара. Силен уверял, будто «покои Ганнибала» настолько малы, что в них не уместилось даже ложе и занятия приходится вести, сидя на голом полу, а все убранство этой комнаты – оружие на стенах. В это было трудно поверить, и еще труднее – понять.

В отношении Ганнибала к Красавчику не было ни зависти, ни недоброжелательства. Гасдрубал лишь выполнял предсмертную волю отца. А дело отца, как это видно каждому, находилось в сильных и надежных руках. Да будь жив Гамилькар, он вряд ли бы достиг большего! Завоевано все восточное побережье страны до Ибера, кроме города Сагунта; многочисленные племена в глубине полуострова платят дань; в нескольких стадиях от города открыты богатые серебряные рудники. Карфагенские богачи, нажившиеся на торговле серебром и рабами, прославляют Красавчика до небес и поддерживают его в Большом Совете. Неудивительно, что даже римляне, минуя Большой Совет и суффетов, заключили с Гасдрубалом соглашение, признав все его завоевания до Ибера, и лишь потребовали не трогать Сагунт.

Пир Гасдрубала

Никогда еще огромный дворец Гасдрубала не вмещал такой шумной и пестрой толпы. Рядом с карфагенскими советниками в длинных, до пят, одеяниях, с золотыми кольцами на пальцах и в ушах можно было увидеть иберийского наемника в полотняном панцире с фалькатой у пояса или кинжалом на кожаной перевязи. По устланной пышным мидийским ковром мраморной лестнице чинно поднимались дочери и жены иберийских царьков. Металлические зеркала отражали высокие головные уборы со вставленными в них серебряными квадратами, нашейные бронзовые цепочки с амулетами, вымазанные киноварью щеки. Тут же были жены и наложницы карфагенских военачальников, с золотыми браслетами на запястьях и лодыжках, с сапфирами и изумрудами в тщательно уложенных волосах. Аромат дорогих аравийских благовоний смешивался со зловонием дельфиньего жира, считавшегося у иберов целебным.

А пестрота в убранстве стола! Рядом с доставленными специально из Карфагена золотыми кубками на точеных ножках (из них, по преданию, пила сама Дидона) стояли глиняные иберийские чаши, украшенные фигурками людей и животных или просто оранжевыми, желтыми и белыми линиями. К жаркому из собачек, без которого в Карфагене не обходился ни один пир, подавали грубые ячменные лепешки – пищу иберийских пастухов.

Это было смешение карфагенского и варварского миров, плод политической мудрости Гасдрубала. Ганнибалу, читавшему в детстве записки Птолемея Лага, вспомнился пир, устроенный в Вавилоне македонским царем. Александр, видимо, хорошо понимал, что завоеватели только тогда смогут удержать власть над населением огромной державы, если не будут презирать его обычаи и нравы. Великий македонец решил в один день устроить свадьбу десяти тысяч своих воинов с персидскими женщинами, да и сам тоже женился на Роксане.

Читал Красавчик воспоминания Птолемея или нет, но он поступал так же, как Александр. Сегодня он женится на Региле, дочери иберийского царька Арцагеза. Невесте, сидевшей рядом с женихом, было не более восемнадцати. Ганнибал скользнул взглядом по лицу, бледному как мел, по белому одеянию, скрепленному на груди двумя массивными серебряными фибулами.

Невольно вспомнился Масинисса и его любовь к Софонибе. С каким чувством говорил нумидиец о девушке, с которой был знаком лишь несколько часов! А Красавчик готовился к этому браку более года. Много раз он делился с Ганнибалом своими планами, раскрывал ему все выгоды этого брака. Но ни разу он не обмолвился, какие у невесты глаза, нос, какой у нее голос и какие она носит одежды.

Теперь Ганнибал мог видеть, что у невесты голубые глаза, но они покраснели, и по киновари, покрывающей щеки, слезы проложили белые извилистые дорожки. Какие она может испытывать чувства к Красавчику, когда не только Ганнибалу, но и почти всем сидящим за этим столом известно, что Арцагез заплатил своей дочерью дань Гасдрубалу и отказал знатному юноше Вламуну, любившему Регилу с детских лет.

Пир был в полном разгаре. Рекой лились карфагенские, сицилийские и массалийские вина. Захмелевшие военачальники пунийцев, забавно коверкая варварские слова, клялись в любви к сотрапезникам – бывшим врагам и лезли к ним через стол целоваться.

Но вот загудели иберийские глиняные трубы, застучали костяные хлопущки. На середину зала выбежали три иберийских воина. Их лица закрыты масками. В руках – сверкающие кинжалы.

– Пляска с оружием! Пляска с оружием! – радостно закричали гости.

Многие вскочили с мест и яростно хлопали ладонями в такт бешеной пляске. Отдавая должное обычаям своей новой иберийской родни, встал с места и Гасдрубал. Хлопать ему мешала чаша, которую нельзя было поставить на стол, не пролив вина.

Внезапно один из плясунов кинулся к Гасдрубалу и вонзил в его грудь кинжал по самую рукоять.

Крики ужаса заглушили хлопки и звучание варварской музыки. Красавчик лежал на полу в луже вина и крови. Убийца стоял рядом, скрестив руки на груди. Маска спала. На мужественном загорелом лице не было ни страха, ни смятения. Глаза сияли радостным блеском. Невеста, протянув руки, как слепая, шла к убийце. Все расступились.

– Вламун, – говорила Регила одними губами. – Зачем?

Никто не пошелохнулся. Никто не кинулся к убийце, чтобы связать ему руки, схватить его, обрушить на него град ударов, стереть наглую улыбку с его безусого лица.

Ганнибал чувствовал, что все взоры устремлены на него. Удар кинжала поставил кровавую точку на владычестве Гасдрубала, да будут к нему милостивы подземные боги!

Несколько человек бросились к Ганнибалу и подняли его на плечи. Толпа потекла по коридорам дворца и, захлестывая ступени, вылилась на площадь, черневшую тысячами голов.

– Ганнибал! – раздался громовой крик.

В эти мгновения юноша ощутил в себе силу, которой не обладали ни отец, ни Красавчик, – власть над войском, Иберией и – страшно подумать! – над судьбами державы. Нет! Он не на плечах воинов! Невидимые крылья несут его над землей туда, куда все эти годы влекла потаенная мысль. Теперь достаточно одного слова – и эти тысячи голов и глаз обратятся к Италии. Засверкают мечи, под трубный рев и топот слонов двинется войско, сметая все на своем пути.

Осада Сагунта

Сагунт наслаждался мирной, безмятежной жизнью. В окружавших этот полугреческий, полуиберийский город садах зрели розовые яблоки и пурпурные гранаты. Владельцы садов готовили корзины к сбору очередного урожая.

В предместье от зари до заката бесшумно вращались гончарные круги. Под руками трудолюбивых ремесленников из бесформенной глины рождались кувшины и чаши – знаменитая, не тонущая в воде сагунтийская посуда. Обожженная в подземных гончарных печах, она приобретала темно-оранжевый оттенок, ценимый повсюду, где в кувшинах знают толк.

Рыбаки несли в тростниковых корзинах дары моря – рыб с выпученными глазами и огромных омаров, шевелящих усами и клешнями. Сагунтийские омары! За ними посылали корабли гурманы Массалии и Рима.

Богатые сагунтийские купцы в тавернах на главной площади города подсчитывали выручку. Мальчишки играли в бабки.

Медленно опускалось солнце. Провожая его взглядом, сагунтийцы молили богов о сохранении мира. Они знали, что за два года полчища Ганнибала покорили пол-Иберии. Десятки племен подчинились этому карфагенянину. Но свобода их города обеспечена договором Рима с Гасдрубалом.

В час пения петухов карфагеняне незаметно подкрались к городу. Лишь немногим жителям окрестных селений удалось укрыться за городской стеной. С нее можно было видеть, как рассыпавшиеся по равнине карфагенские наемники тащат утварь, угоняют скот, сбивают копьями еще не созревшие плоды. Слышался женский плач, отчаянные вопли людей, уводимых в рабство.

– Видишь, – сказал Ганнибал сопровождавшему его Силену, – эти люди сбились в кучу, как овцы. Воспользовавшись суматохой, я ворвусь в город.

– Как бы тебе не оказаться в положении волка перед запертой овчарней! – отозвался эллин.

Слова эти оказались пророческими, и Ганнибал, анализируя впоследствии причины своей неудачи, их часто вспоминал. Молодой стратег начал атаку без должной подготовки. Он был уверен, что для победы достаточно перевеса сил. В городе не более десяти тысяч человек, боеспособных – лишь тысячи две, а у него тридцатитысячная армия, закаленная в боях.

Сагунтийцы, возглавляемые седобородыми старцами, проявили чудо организованности. Жители оставили свои мирные дела. Кузнецы, ковавшие ранее серпы и косы, готовили катапульты и баллисты. Каменщики укрепляли городскую стену, заменяя выщербленные и расшатавшиеся камни новыми. Нашлась работа и детям. Забыв об играх, они подавали сражающимся стрелы и дротики, подносили хворост к кострам, на которых стояли котлы с водою, подтаскивали к метательным орудиям свинцовые шары и камни.

Штурм был отбит с большими потерями для Ганнибала. Началась планомерная осада. Сколько она отнимет времени? Не воспользуются ли этой задержкой иберы, чтобы вернуть себе свободу? Не лучше ли усилить гарнизоны в крепостях, построенных в глубине Иберии? А как отнесутся к нападению на Сагунт в Карфагене?

Ганнибал был мрачен. Ненависть клокотала в груди при виде этого города, словно стены Сагунта стояли на его пути в Рим. С южной стороны угол городской стены был обращен к обширной равнине. Именно здесь Ганнибал приказал строить гелеполу – многоэтажную осадную башню. Ее стена, обращенная к противнику, имела на каждом этаже бойницы. Через них можно с помощью небольших катапульт метать камни и стрелы. Чтобы подкатить гелеполу к стенам Сагунта, нужно было срыть неровности и бугорки, засыпать ямы, плотно утрамбовать землю. Эти работы, по расчетам Ганнибала, должны были отнять не более двух недель. Но оса-

жденные не дремали. По ночам отважные сагунтийские юноши совершали нападения на карфагенские посты, днем катапульты забрасывали карфагенян камнями и стрелами, не позволяя подвести насыпь к стене.

Чувствуя себя в безопасности, так как карфагеняне еще не установили свои катапульты, сагунтийцы выкрикивали сверху ругательства. Насадив на стрелы записки, они посылали их осаждающим. Ганнибал прочел одну из них:

«Карфагенские ослы, вы выбрали себе добычу не по пасти и подавитесь ею».

Особенно неистовствовал сагунтиец в синем плаще. Приложив ко рту согнутый в трубку металлический лист, усиливавший голос, он осыпал Ганнибала самой отборной бранью.

В конце концов Ганнибалу это надоело.

– Позовите Тирна, – приказал он.

Тирн, командир балеарских наемников, не замедлил явиться. Плечи его и грудь покрывала овчина, у пояса на широком кожаном ремне висел холщовый мешочек с камнями. От Тирна исходил резкий, неприятный запах. На Островах Дождей, как называли иберы Балеарские острова, не росли благовонные деревья, а у нищих островитян не было ни золота, ни серебра для покупки даже касторового масла, которым натирались бедняки. Балеарцы смазывали свое тело соком какого-то тростника, смешанным со свиным салом.

– Видишь того ругателя в синем? – обратился полководец к Тирну. – Убери его!

Тирн неторопливо снял с плеч овчину и бросил ее на землю у ног. На шее у балеарца было три черных шнура различной длины. Перебирая их пальцами, Тирн взглядом измерял расстояние до стены. Видимо, его устраивал средний шнур, так как он вытянул его. Вынув из мешочка камень величиною с плод фигового дерева, Тирн вложил его в петлю шнура и занес назад руку.

Камень просвистел в воздухе и угодил прямо в синий плащ. Ругателя словно сдуло со стены. Вопль восторга, вырвавшийся из сотен глоток карфагенских наемников, и крики ужаса осажденных слились в сплошной рев. Когда он утих, Ганнибал обратился к Тирну, успевшему поднять и накинуть на плечи овчину:

– Давно я хотел узнать, какие боги научили тебя этому искусству?

– Бог Голод, – отозвался балеарец. – Когда я был еще мальчиком, отец клал на землю лепешку и не давал ее, пока я не попадал в нее из пращи.

– А жив ли твой старик?

– Да, – отвечал Тирн. – Мой отец еще охотится на горных коз.

– Тогда передай ему вот это... – Ганнибал протянул балеарцу слиток серебра. – Скажи, что серебро посылает ему бог войны за то, что он воспитал меткого стрелка.

Ганнибал долго не мог забыть слов балеарца. «Бог Голод» – лучше не скажешь, – думал он. – Это он согнал в мое войско всех этих варваров – кельтов, балеарцев, сардов, лигуров. Какое им дело до Карфагена? Наемники будут мне верны до тех пор, пока они будут сыты, пока в мешочках будет позвякивать серебро. Серебра ждут их стареющие отцы, юные невесты, молодые жены. Звон серебра громче боевых труб зовет их на приступ вражеских стен, он заставляет переносить боль и усталость».

Посольство Валерия Флакка

Римляне с тревогой наблюдали за событиями в Иберии. Однако они не могли и думать о вмешательстве в иберийские дела. Их морские силы были заняты войной с пиратами на Адриатическом море. Даже тогда, когда Ганнибал открыто напал на дружественный римлянам Сагунт, римляне медлили. Наконец, они решились отправить посольство под стены Сагунта.

Посольство возглавлял сенатор Валерий Флакк. Ему было поручено напомнить Ганнибалу о договоре, который заключил с Римом его предшественник, и пригрозить войной, если он не оставит в покое Сагунт.

Две недели понадобилось Валерию Флакку для того, чтобы добраться от римской гавани Остии к иберийскому порту Тарракону. Еще неделя ушла на путь от Тарракона до Сагунта. Сагунт находился не на самом берегу, а в трех стадиях от моря. Поэтому осажденным не было известно о прибытии посланцев Рима. Без согласия карфагенян римляне не могли попасть в город и укрепить сагунтийцев в их намерении сражаться до конца.

В то время, когда римские послы высаживались на берег, Ганнибал был занят расстановкой таранов. Это были длинные и толстые бревна, подвешенные цепью к верхней перекладине прочной рамы. Окованный железом конец бревна имел вид бараньей головы. Над таранами сооружался навес из досок, прикрытый от огня сырыми бычьими кожами.

Узнав о прибытии римлян, полководец усмехнулся.

– Передай, – сказал он Магону, – что я не могу их сейчас принять. Безопасность почтенного сенатора для меня важнее всего. Пусть он дождется окончания осады.

Магон вскоре возвратился.

– Если бы ты видел, как надулся Валерий Флакк, когда я передал ему твои слова! Казалось, у него от ярости лопнут глаза. «Ничего, – закричал он, – я добьюсь справедливости! У Ганнибала сейчас нет времени, чтобы встретиться со мной, – у него будет его с избытком, когда я его в цепях повезу в Италию».

Ганнибал несколько мгновений разглаживал бороду. Магон ждал, пока Ганнибал примет решение.

– Брат, – сказал Ганнибал твердо, – тебе придется отправиться в Карфаген. Римляне обратятся в Большой Совет с жалобой и найдут сочувствие у Ганнона и его прихлебателей. Надо предупредить наших друзей в Карфагене, подготовить их к встрече римских послов. А чтобы склонить души колеблющихся, возьми это!

Ганнибал показал на несколько кожаных мешков в углу шатра.

– Что это? – спросил Магон.

– Серебро! Ты не заметил, что чаши весов долго колеблются, пока на них не бросят гири. Серебро перевесит все сомнения. Так говорил Красавчик. Только ты должен попасть в Карфаген раньше римлян. На обратном пути завернешь к Гайе. Пусть он пришлет тысячу всадников и вместе с ними Масиниссу.

Магон прибыл в Карфаген за день до римлян. Он успел переговорить с друзьями и раздать подарки тем, кто не примыкал ни к партии Ганнибала, ни к враждебной ей партии Ганнона. Валерий Флакк был заслушан Большим Советом в недружелюбном молчании. Посла поддержал один Ганнон.

Он разглагольствовал об угрозе, которую навлек на Карфаген Ганнибал, о том, что, подобно отцу, сын простирает руки к власти. С негодованием он вспоминал об оскорбительном отказе Ганнибала принять посла римского народа, пришедшего просить за своих союзников. Ганнон утверждал, что, нападая на Сагунт, Ганнибал подрывает стены Карфагена.

Советники, как заметил Магон, слушали затянувшуюся речь Ганнона, словно исполняя досадную обязанность. Некоторые обменивались насмешливыми взглядами. А Ганнон, стояв-

ший на возвышении для ораторов, за креслами суффетов, казалось, этого не замечал. Голос его стал прерываться, словно ненависть душила его, глаза налились кровью. Ганнон требовал дать немедленное удовлетворение Риму, увести войско от Сагунта и выдать римлянам Ганнибала. Он требовал возместить сагунтийцам понесенный ущерб из средств самого Ганнибала.

Когда Ганнон кончил свою речь, по залу прокатился ропот. Многие советники вскочили с мест.

– Позор! Предатель! – кричали они. – Сколько тебе заплатили римляне?

Магон не без удивления заметил, что больше всего бесновались те, кому он вчера вручил подарки Ганнибала. «Брат был прав, – подумал Магон. – Серебро укрепило колеблющихся».

Решение Большого Совета было передано Валерию Флакку в тот же день. В обширном послании перечислялись все договоры о дружбе между Римом и Карфагеном. «И будет ли справедливо, если римский народ предпочтет сагунтийцев древнейшему союзу с Карфагеном?» Этими словами заканчивалось послание.

Конец Сагунта

Ночью воины привели перебежчика. Дрожащее пламя факелов освещало полотняный панцирь и такие же полотняные штаны, перевязанные до колен сыромятными ремнями сандалий. Голову сагунтийца покрывал шлем из железных колец с тремя гребнями, какой обычно носят знатные иберы.

– Кто ты? – спросил Ганнибал.

– Я сагунтиец, – торопливо отвечал перебежчик, словно опасаясь, что его не захотят выслушать. – Я пришел сам, никто не знает, что я здесь.

– Чего же ты хочешь?

– Улицы города полны трупов. Женщины и дети умирают от голода. Чернь соревнуется в отваге и безумии. Она не хочет и слышать о переговорах. Но лучшие люди жаждут мира.

– Ты хорошо сделал, что пришел, – мягко проговорил Ганнибал. – Ты будешь моим послом и понесешь согражданам условия мира. Выслушай их. Вы сдадите все оружие, отдадите все золото и серебро, в одной одежде выйдете из города. Я укажу вам место для поселения.

Перебежчик отшатнулся.

– Чего же ты молчишь? – спросил Ганнибал после долгой паузы. – Разве я не милостив? Зачем вам эти руины? – он показал на освещенные луной развалины стен и башен. – Пусть здесь поселятся волки и змеи.

– Убей меня, Ганнибал, – решительно произнес перебежчик. – Каждый, кто осмелится передать сагунтийцам твои условия, будет казнен. Лучше погибнуть от рук врага, чем принять смерть от сограждан.

– Не верь ему, он трус! – послышался чей-то голос.

Из толпы, окружившей перебежчика, вышел воин в кожаном шлеме. Ганнибал вспомнил, что его зовут Алорком. Еще при отце он возглавлял отряд иберийских всадников. Воины любили его за храбрость и справедливость.

– Сагунтийцы знают меня, – сказал Алорк. – Нас связывают узы старинного гостеприимства. Я передам твои условия осажденным.

На следующее утро у стен Сагунта появился человек с оливковой ветвью в руках. Это был Алорк. Сагунтийские стражи пропустили его в ворота и, ни о чем не спрашивая, завязали ему глаза. Потом его вели долго, долго – видимо, по всем городским улицам. Алорк слышал за спиной все нарастающий топот ног, но до его слуха не донесся ни разу звук человеческого голоса. Люди выходили из домов и шли за человеком с повязкой на глазах. Казалось, в этом пугающем безмолвии их вела сама слепая судьба.

Наконец чья-то рука легла на плечо Алорка, и он остановился. Ему развязали глаза, и он увидел городскую площадь, заполненную сагунтийцами. На него были устремлены сотни глаз, подернутых мрачными тенями. Бледные, судорожно сжатые губы едва сдерживали готовый вырваться крик.

Алорк передал старейшинам условия Ганнибала. Каждое его слово было слышно на площади. Сагунтийцы начали расходиться, но вот они вернулись снова. В руках у них какие-то свертки, хворост, обломки мебели. Они бросают все это в одно место. На площади вырос холм. Кто-то поднес к нему факел. Вспыхнул костер. Одни бросались в его пламя. Другие обнимали жен, брали на руки детей, осыпали их последними поцелуями перед тем, как убить. Третьи раздирали свои одежды и сами подставляли грудь под меч. Алорк закрыл лицо руками. Ужас наполнил все его существо.

Карфагеняне, не дождавшись возвращения Алорка, приготовились к бою. Но город, казалось, вымер. Не видя никого из врагов, не встретив сопротивления, двигались воины Ганнибала по улицам. Они не могли понять, что произошло. То там, то здесь поднимались столбы

дыма. Всюду лежали окровавленные и обугленные тела. Сагунтийцы предпочли смерть рабству.

Дукарион

После взятия Сагунта Ганнибал удалился в Новый Карфаген. Здесь он разделил добычу между воинами и ожидал возвращения своего посланца из кельтских земель.

С восторгом рассказывал посланец о достоинствах страны италийских кельтов, о невероятном ее изобилии. По его словам, мединн ячменя стоил там всего два обола, а мединн пшеницы – четыре обола. На полях, не знающих недостатка влаги и тепла, гречиха и просо давали невиданные урожаи. В дубовых лесах паслись огромные стада свиней, а на сочных горных лугах бродило бесчисленное множество коз, овец и лошадей. Холмистые и низменные местности были густо населены кельтскими племенами – бойями, инсубрами. Это рослые и красивые люди. Сердца их переполнены ненавистью к Риму, и они готовы оказать помощь людьми и припасами.

Посланец привел с собой проводника, инсубра Дукариона, в прошлом римского раба. Он был почти ровесником Ганнибала, голубоглазый, со светлыми зачесанными назад волосами и усами, свисавшими до подбородка.

– Как ты стал рабом? – спросил Ганнибал варвара.

Инсубр нахмурился:

– Когда римляне разгромили наше войско у Адды, они ворвались в нашу деревню. Мать и сестра сгорели заживо. Нас, юношей, привязали к деревьям и били прутьями. А Гай Фламиний смеялся...

– Сам Фламиний?! – воскликнул Ганнибал.

Он слышал, что этот человек был первым правителем захваченной у Карфагена Сицилии.

– Да, это он возглавлял римский легион, занявший наше селение.

– Расскажи, каков он, Фламиний?

Инсубр пожал плечами, удивившись, почему могущественного полководца заинтересовал римлянин, бывший теперь частным лицом.

– Он выше тебя ростом и старше, бреет бороду, как все римляне, ходит быстро, глаза у него серые, смеется, широко открывая рот.

– Боюсь, что по твоему описанию я не узнаю Гая Фламиния, даже если встречу с ним лицом к лицу. У большинства римлян серые глаза, и мало ли кто смеется с широко открытым ртом. А ты не знаешь, знатного ли он рода?

– Я слышал, что власть ему принесла не слава предков, а любовь римской толпы. Он разделил наши земли между плебеями. Дорога к морю по их настоянию названа его именем. А потом он построил в Риме новый цирк, также получивший его имя...

Ганнибал молча кивал головой. Галерея римлян, созданная в его воображении, пополнилась новым портретом. Гай Фламиний – быстрый, горячий, с острым умом. Баловень судьбы. Успех вскружил ему голову.

– Прости, что прервал твой рассказ, – молвил Ганнибал, отвлекшись от своих мыслей. – Что стало с тобой потом?

– В цепях нас привезли в Рим. С тех пор я не видел больше никого из моих друзей. Римляне боятся держать вместе людей одного племени, и нас купили разные господа. Я попал на мельницу. К жернову вместе со мной приковали сирийца, фракийца, скифа и эллина. Хозяин был уверен, что мы не пойдем друг друга. Слово «свобода» произносится по-разному, но одинаково дорого сердцу каждого. Во время римского праздника сатурналий, этих мучительных и коротких дней ложной свободы, я бежал. Римляне послали за мною в погоню собак, обученных охоте на людей. Но я обманул псов и их хозяина, незаметно проникнув на корабль с зерном, не зная, куда он плывет, пробрался в трюм и лежал тихо как мышь. Теперь меня уже мучил не голод, а жажда. На четвертые сутки плавания я готов был выдать себя за глоток воды.

Но жажда свободы оказалась сильнее. Не знаю, сколько еще прошло дней. Сквозь забытьё я услышал, как заскрежетала якорная цепь и плеснул якорь. Выгружали зерно. Это было спасение. От рабов-грузчиков я узнал, что нахожусь в Массалии. Они же принесли мне воды. Из Массалии я направился к Альпам и вскоре был среди своих. Я поведал им, как со мной обращались римляне, показал рубцы на спине. Сердца моих родичей зажглись гневом. Они обещали, что будут мстить римлянам. Когда к нам прибыли твои послы, родичи сказали мне: «Иди с этими чужеземцами и приведи в наши земли их войско. Нам надоело платить римлянам дань и выносить их высокомерие».

Ганнибал слушал, чуть смежив веки. Он видел в этом кельте первого подданного великой державы, столицей которой станет Рим. Нет, он не вернется в Карфаген, где его будут стеснять на каждом шагу. Он будет повелителем всех этих обиженных и недовольных Римом людей.

Гадир

Распустив воинов-иберов по домам, чтобы по весне они снова собрались в Новом Карфагене, Ганнибал отправился в Гадир, в прославленный храм, принести обет господину Мелькарту. В Гадири же Ганнибал должен был встретиться с Магоном.

Огромные волны подкатывались к скале, составлявшей подножие храма Мелькарта, и с грохотом разбивались. Снова и снова катились валы, как разъяренные упорством врага обезумевшие воины, брошенные на приступ невидимым полководцем. Его непреклонная воля обрекала их на смерть и забвение, превращала в водяную пыль, но на их место становились все новые и новые бойцы с изогнутыми щитами и острыми копьями. Снова и снова катились волны. Это прекрасное, неповторимое зрелище рождало необычные, странные мысли.

«Война! Всюду война! – шептал Ганнибал. Он ощутил привкус соли, словно прижался к лицу матери и ее слезы высохли у него на губах. – Океан воюет с берегом, берег – с ветром, племя идет на племя... А кто я в этой войне? Всесильный полководец или игрушка в руках могущественных сил? Властен ли я над войной, которая началась до моего рождения и будет после меня? Пусть мне захочется бросить войско и бежать в степи к Масиниссе, жить в мапалии и охотиться на диких коз. Прекратится ли война, виновником которой считают меня? Распустят ли римляне легионы, потопят ли флот? Откажутся ли советники от иберийских рудников, приносящих им баснословные доходы? Нет! Тысячу раз нет! На мое место станет другой – мой брат Гасдрубал или Ганнон. И все равно будет война. Снова и снова будут катиться волны. И, если я бессилен перед потоком событий так же, как эта волна не может остановиться или повернуть вспять, значит, есть нечто, что сталкивает волны с камнями и племена с племенами. И это нечто мы называем Мелькартом, воздвигаем ему храмы и алтари и окропляем их кровью жертвенных животных и младенцев».

Ганнибал выхватил из ножен кинжал и бросил в море.

Уже почти тысячу лет на этой скале приносили морю жертвы: финикийские и карфагенские купцы кидали в волны слитки серебра и монеты, янтарь, перстни с драгоценными камнями. Они просили у Мелькарта доброго ветра и богатой добычи. А этот человек на скале бросил в океан оружие и просил взамен ярость.

Ганнибал шагал к дому старейшины, где остановился Магон. Он узнал от него о заседании Большого Совета, принимавшего второе римское посольство. Когда его глава Квинт Фабий сказал: «В складках этой тоги я приношу вам, карфагеняне, войну или мир. Выбирайте!» – никто из советников не заколебался. «Выбирай сам!» – раздался единодушный крик, и римлянин выбрал войну.

Магон рассказал также о новом отряде боевых слонов, который подготовлен в «Маленькой Индии» и сейчас находится на пути в Иберию вместе с Рихадом.

– А как Гайя? – спросил Ганнибал. – Выполнит ли он мою просьбу?

– Гайя обещал прислать тебе полторы тысячи всадников. Но сына Масиниссу пока прислать он не может, так как тот исчез.

– Исчез? – удивился Ганнибал.

– Да, он скрылся после того, как отец наотрез отказался помочь ему жениться на Софонибе. Но я думаю, что Гайя хитрит. Нумидиец спросил, зачем тебе Масинисса, если ты взял Сагунт.

– Как сказать, – ответил Ганнибал тихо. – Может быть, Гайя понял то, о чем не догадываешься ты. Сагунт только начало. Из Сагунта дорога ведет в Рим.

– В Рим! – воскликнул Магон. – Но ты забыл о дальности пути, о непроходимых горах, о множестве диких племен, с которыми нам придется встретиться!

– Нет, не забыл. Меня и моих воинов не испугают длительные переходы. Племена за Пиренеями не более дики, чем те, с какими мне приходилось иметь дело в Иберии. А вожди их любят серебро не меньше, чем наши советники.

– Это так, – согласился Магон, – но там нет провизии для огромного войска.

– Что ж! – сказал Ганнибал. – Тем быстрее мы пройдем эти земли. А если станет невмogu, будем жевать кожу сапог, кончится она – придется есть человечину.

Часть вторая Прыжок

На пути к Родану

Шагают слоны Ганнибала. Корзины на их спинах покачиваются, как лодки в море. Наемники стоят по обочинам дороги, пропуская вперед слонов. С суеверным ужасом они взирают на животных, не похожих ни на одного зверя их гор и лесов. С восхищением они разглядывают толстые, как вековые дубы, ноги, в которых ощущается невиданная мощь. И эта мощь послушна их повелителю – Ганнибалу. Он не только понимает языки всех племен, но, подобно волшебнику, может приказывать этим сказочным животным. Стоит ему подать знак, и они растопчут каждого, кто осмелится ему перечить.

Шагают слоны Ганнибала. Гудит и стонет под их ногами земля. В тяжелой поступи слонов – непреклонность воли полководца и неотвратимость возмездия. Рим должен быть уничтожен. Такова цель похода, известная лишь ближайшим помощникам Ганнибала. Для остальных движение на север, к Пиренеям, – это только завоевание еще не захваченной карфагенянами части полуострова от реки Ибер до Пиренеев.

Шагают слоны Ганнибала. Пыль поднимается из-под их ног и повисает в воздухе, покрывает лица всадников и пехотинцев, ложится на конские попоны. Осталась позади цветущая долина Ибера. У Эмпория, белые дома которого раскинулись по берегу, подобно гроздьям винограда, карфагеняне простились с морем. Они бросали в волны клоки волос и шептали слова заклятий. Они собирали на берегу блестящие от влаги камешки и прятали их в ножны, привязывали на шею и к поясу.

Пестрое, как праздничная процессия, войско поднималось все выше и выше. Только изредка на склонах гор попадались огороженные камнями клочки пашни. Горцы торопились увести стада подальше от прожорливого как саранча воинства.

Шагают слоны Ганнибала. Вот уже открылась скалистая цепь Пиренеев – рубеж Иберии. Теперь всем ясно: Ганнибал задумал нечто более грандиозное, чем завоевание всей Иберии. Три тысячи иберов во главе с Алорком отказались покинуть родную землю. Ганнибал мог окружить их и раздавить слонами. Но он не сделал этого, понимая, что тогда поднялась бы вся Иберия. Он позволил остаться в Иберии всем, кто не хотел разделить с ним риск похода. Таких оказалось около одиннадцати тысяч. Отпуская всех желающих, Ганнибал избавлялся от трусливых и ненадежных воинов, которые могут впоследствии стать обузой. Еще десять тысяч человек он оставил во вновь завоеванной области между Ибером и Пиренеями. Пусть знают недруги: его планы завоевания Рима не помешают ему удерживать Иберию.

Ганнибал отослал и Силена под тем предлогом, что дальнейший поход будет для него тяжел. Эллин долго уговаривал Ганнибала оставить его в войске, уверяя, что у себя в Калатисе он совершал и не такие странствия. Но Ганнибал был неумолим.

– А кто же напишет твою историю? – пустил Силен в ход последний довод.

– Я сам расскажу о себе, – ответил Ганнибал. – Ты же окажешь мне большую услугу, если напишешь историю моего отца.

Еще один переход. Армия на Пиренеях. Вершины гор белы от времени или мороза. Из глубоких ущелий вырываются ветры, обдавая ледяным дыханием. Но перевалы в это время года не покрыты снегом. Ничто не препятствовало движению.

Армия стремительно спускалась вниз, к зеленым долинам. Хижины из толстых, вкопанных в землю бревен с островерхими соломенными крышами ничем не отличались от остав-

шихся по ту сторону Пиренеев. Но Ганнибал знал, что отсюда начинается огромная страна, населенная многочисленными племенами кельтов, или галлов, как их называют римляне. Никому из карфагенских купцов не доводилось проникать в глубь этой страны. Купцы, опасаясь оставлять свои корабли, посещали лишь поселения на берегах Внутреннего моря и океана, омывавшего страну кельтов с запада.

Все, что Ганнибал знал о кельтских землях, он был обязан древним летописям да рассказам наемников, служивших в его войске. В древности на южных берегах этой страны находились финикийские колонии, основанные теми же предприимчивыми торговцами и мореплавателями, которые под водительством Элиссы заложили первые камни в стены Карфагена. Теперь же эти берега заселены вольными как ветер племенами, среди которых затерялась эллинская колония Массалия. Ее жители были союзниками римлян, и поэтому Ганнибал, не желавший выдавать римлянам свои планы, предпочел держаться севернее, хотя дороги здесь были хуже, а обитатели более воинственны.

Первым после спуска с гор на пути армии Ганнибала оказался городок Иллибер. Он встретил войско гробовой тишиной. Не слышалось привычного кудахтанья кур и блеяния овец – обычной добычи изголодавшихся воинов. Город был оставлен жителями. Это верный признак того, что местные племена считают Ганнибала врагом и готовятся к сопротивлению. Ганнибал приказал найти хотя бы одного иллиберца. Несмотря на рвение воинов, перерывших прелые вязанки соломы на земляных полах хижин, обследовавших чердаки и другие укромные места, Ганнибал провел в неизвестности целый день.

Лишь к вечеру рассыпавшиеся по окрестностям всадники Махарбала привели пастуха, прятавшегося вместе со своим стадом в горной лощине. По их словам, захватить его было труднее, чем справиться с дюжиной воинов. Стадо охраняли огромные собаки, такие злые и дикие, что их трудно отличить от волков.

В ответ на вопрос Ганнибала, куда делось население города, пастух издал какое-то мычание.

– Я потерял целый день, а вы мне привели немного! – возмутился полководец.

– Сейчас он у меня заговорит! – угрожающе воскликнул Махарбал и приказал принести орудия пытки.

Один лишь взгляд на клещи и колодку с медными шипами развязал пастуху язык.

Так Ганнибал узнал, что две ночи назад жители Иллибера направились к городу Русцину, что на речке Телис, и что там собирается ополчение других кельтских племен.

– Почему вы бежите от меня? – спросил Ганнибал у пленника. – Ведь я иду войной не на вас, а на римлян.

– Мы не знаем, с кем ты собираешься воевать, – ответил пастух, – но боимся, что ты отнимешь у нас свободу, как отнял ее у иберов.

Отпустив пастуха, Ганнибал послал за Дукарионом.

– Мне ничего не стоит рассеять этих кельтов, раздавить их слонами, но к чему нам ненужное кровопролитие! Отправляйся в Русцин и объясни вождям, что я желаю с ними встретиться. Пусть они явятся к Иллиберу.

Встреча была назначена в кельтском святилище. Еще издали Ганнибал увидел, что на жердях ограды торчат какие-то предметы. Приблизившись, он понял, что это человеческие головы и черепа. Ему был известен обычай иберийских кельтов подвешивать отрубленные головы врагов к конским поводьям, но обычай украшать ими жилища и храмы оказался для него новостью.

Вождей в браках, отороченных мехом, с гривнами на обнаженных грудях сопровождало несколько телохранителей. Варвары с удивлением рассматривали сосуды из невиданного материала, бесцветного и прозрачного, как лед, бронзовые полые головы быков, служившие

чашами, и другие редкие и ценные предметы. Все это Ганнибал приказал принести и положить на ковер.

– Это – вам, – сказал полководец, показывая на ковер с дарами. – И сосуды с вином тоже.

Вожди удовлетворенно пощипывали усы. Их радовали подарки, но больше всего то, что чужеземцы судя по всему торопятся покинуть их страну. Один из вождей с рыжими, как медь, волосами подошел к Ганнибалу. В руках его был огромный рог, оправленный по краям серебром.

– Прими и наш дар! – сказал рыжеволосый. – Это рог зверя наших лесов – зубра. Он меньше твоих чудовищ, – кельт опасливо взглянул в сторону слонов, – но свирепее их. Человеку еще не удавалось сесть на спину зубра, а твои звери послушны, как кони в упряжке.

Ганнибал не стал разубеждать варвара, не знавшего, что боевой слон в ярости не уступит львице. Он просто взял рог и сказал:

– Если это так, как ты говоришь, вино, которое я буду отныне пить из этого рога, даст мне силу в борьбе с врагом. Мой враг – Рим. Это и ваш враг.

Войско двинулось в путь. Чтобы наверстать время, потерянное в Иллибере, Ганнибал приказал двигаться и ночью. Сделали только два коротких привала, чтобы напоить и накормить коней, слонов и выючных животных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.